

ДАНО СУДЬБОЙ

РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ ОЧЕНЬ ПОСЧАСТЛИВИЛОСЬ

Существует обывательское представление о «несамостоятельности» древнерусской литературы. Однако не только каждая литература, но и каждая культура «несамостоятельна». Настоящие ценности культуры развиваются только в соприкосновении с другими культурами, вырастают на богатой культурной почве и учитывают опыт соседней. Может ли развиваться зерно в стакане дистиллированной воды? Может!— но пока не иссякнут собственные силы зерна, затем растение очень быстро погибает. Отсюда ясно: чем «несамостоятельнее» любая культура, тем она самостоятельнее. Русской культуре (и литературе, разумеется) очень повезло. Она росла на широкой равнине, соединенной с Востоком и Западом, Севером и Югом. Ее корни не только в собственной почве, но в Византии, а через нее в античности, в славянском юго-востоке Европы (и прежде всего в Болгарии), в Скандинавии, в многонациональности государства Древней Руси, в которое на равных основаниях с восточными славянами входили угро-финские народности (чудь, меря, весь участвовали даже в походах русских князей) и тюркские народы. Русь в XI—XII веках тесно соприкасалась с венграми, с западными славянами. Все эти соприкосновения еще шире разрастались в последующее время. Одно перечисление народов, входивших с нами в соприкосновение, говорит о мощи и самостоятельности русской культуры, умевшей заимствовать многое у них и остаться самой собой. А что было бы, если бы мы были отгорожены от Европы и Востока китайской стеной? Мы остались бы в мировой культуре глубокими провинциалами.

Существует ли «отсталость» древнерусской литературы? А что вкладывается в это понятие «отсталости»? Что

мы, наперегонки бегаем? Ведь в таком случае должен быть определенный старт, условия и прочее. А если народы Европы принадлежат к разным возрастным группам, да и рождение наше не всегда ясно? Византия и Италия продолжали античность, а мы стали развиваться позднее и в других условиях. Одним словом: мой сосед, которому три года, отстал от меня?

Другое — «заторможенность». Существовала ли она в культуре Древней Руси? Кое в чем — да, но это особенность развития и под оценки она не подпадает. Скажем, у нас не было такого молниеносного перехода от Средневековья к Новому времени, как в Италии. В Италии была «эпоха Ренессанса», а у нас были явления Ренессанса, и они затянулись на несколько веков — вплоть до Пушкина. Наш Ренессанс был «заторможенный», и поэтому борьба за личностное начало в культуре у нас была особенно напряженной и трудной и резко сказалась в литературе XIX века. Хорошо это или плохо?

Еще одно понятие — «художественная слабость литературы». Всякая культура в чем-то слаба, в чем-то сильна. Древнерусская культура была очень сильна в архитектуре, в изобразительном искусстве, а теперь выясняется — и в музыке. А в литературе? Литература была своеобразной. Публицистичность, нравственная требовательность литературы, богатство языка литературных произведений Древней Руси изумительны.

Картина довольно сложная.

Заметки и наблюдения. Л. 1989.

КТО БЫЛ НАШИМИ УЧИТЕЛЯМИ

Нам не следует бояться признания огромной роли Византии в образовании славянской культуры-посредницы и отдельных национальных литератур славян. Славянские народы не были провинциальными самоучками, ограниченными своими местными интересами. Через Византию и другие страны они дышали воздухом мировой культуры. Развивали свою общую и местные культуры на гребне общеевропейского развития. Их культуры для своего времени представляли собой в известной части итоги общеевропейского развития. Опередившая другие

славянские страны на целое столетие Болгария сделала великое дело, присоединив и себя, и литературы других стран к общему европейскому развитию и, вместе с тем, создав общий литературный язык для всех православных славянских стран, а частично — и для не славянских. Великим счастьем для славян было то, что сама византийская литература не была узконациональной, а в значительной мере многонациональной. На основе многовекового общеевропейского опыта можно в дальнейшем глубже отразить национальные интересы и создать литературу высоких национальных форм. Общеславянская национальная литература-посредница, сама явившаяся в результате выделения из отдельных национальных литератур некоей «общей» части, была хорошей почвой для образования в дальнейшем высоких национальных литератур.

Мы очень часто находимся во власти исторических предрассудков. Одним из таких предрассудков является убежденность в том, что Древняя Русь была страной с малой грамотностью.

Тысячи и тысячи рукописных книг хранятся в наших библиотеках и архивах, сотни берестяных грамот найдены в Новгороде — грамот, принадлежащих ремесленникам, крестьянам, мужчинам и женщинам, простым людям и людям высокого социального положения. Печатные книги показывают высокий уровень типографского искусства. Рукописи «цветут» изумительными заставками, концовками, инициалами и миниатюрами. Печатные шрифты и рукописные буквы поразительны по красоте. Все новые и новые центры книжной культуры обнаруживаются в монастырях Древней Руси среди лесов и болот, на островах — даже вдали от городов и сел. В рукописном наследии Древней Руси мы все больше и больше открываем новых произведений, оригинальных и переводных. Уже давно ясно, что болгарское и сербское рукописное наследие шире представлено в русских рукописях, чем у себя на родине. Высокое искусство слова окружено открытиями в области древнерусской музыкальной культуры. Всеобщее признание во всем мире получили древнерусские фрески и иконы, русское прикладное искусство. Древнерусское зодчество оказалось целым огромным миром, изумительно разнообразным, будто принадлежащим разным странам и народам с различной эстетиче-

ской культурой. Мы получили из рукописей представление о древнерусской медицине, о русской историософии и философии, о поразительном разнообразии литературных жанров, об искусстве иллюстрирования и искусстве чтения, о различных системах правописания и пунктуации... А мы все твердим и твердим: «Русь безграмотная, Русь лапотная и безмолвная!»

Почему так, догадываюсь: может быть, потому, что в XIX веке носителями древнерусской культуры оставались по преимуществу крестьяне, историки судили о Древней Руси главным образом по ним, по крестьянам, а их давно уже скрутило крепостное право, все большее обнищание, отсутствие времени на чтение, непосильная работа, нищета.

В любом историческом сочинении мы привыкли читать об усилении эксплуатации, классового гнета, обнищании народных масс... И ведь это правда, но почему же тогда мы не делаем и другого вывода, что культура народа в этих условиях нарастающего гнета должна была падать. Судить по безграмотности крестьянства XIX века о его неграмотности (еще большей!) в веках XI—XVI нельзя. Нельзя думать, что письменная культура населения непрерывно возрастала. Нет, она и падала. И именно крепостное право принесло с собой ту неграмотность, ту «лапотность» народа XIX века, которая даже историкам показалась исконной и типичной для Древней Руси.

Одна фраза в Стоглаве о неграмотности новгородских попов служила и продолжает служить этому убеждению в неграмотности всего населения. Но ведь Стоглавый собор, призванный установить единый порядок церковных правил для всей Руси, имел в виду только новгородский обычай избирать уличанских попов всей улицей, в результате чего в попы попадали лица, не имевшие точного представления о церковной службе.

Одним словом: обильнейший материал превосходных рукописных и печатных книг, хранящихся или героически собираемых нашими энтузиастами-патриотами на Севере, на Урале, в Сибири и других местах, требует от нас признания высокой письменной культуры первых семи веков русской эпохи. Грамотность народа помогает нам понять высокую культуру слова в русском фольклоре, высокие эстетические достоинства народного зодчества, изделий народных ремесел, высокие моральные качества

русского крестьянства там, где его не коснулось крепостное право, как например, на русском Севере.

Публикуется впервые.

РОССИЯ

1.

То, что я скажу в этой заметке о русской культуре,— это мое сугубо личное мнение, я его никому не навязываю. Но право рассказать о своих самых общих, пусть и субъективных впечатлениях дает мне то, что я занимаюсь Русью всю свою жизнь, и нет для меня ничего дороже, чем Россия.

Россию упрекают. Россию восхваляют. Одни считают ее культуру несамостоятельной, подражательной. Другие гордятся ее прозой, поэзией, театром, музыкой, иконописью... Одни видят в России гипертрофию государственного начала, а народ воспринимают как покорный. Другие отмечают в русском народе анархическое начало и постоянное бунтарство, неприятие власти. Одни отмечают в нашей истории отсутствие определенной целеустремленности. Другие видят в русской истории «русскую

Подмосковье зимой

Киево-Печерская лавра

идею», наличие у нас сознания гипертрофированной собственной миссии. Между тем движение к будущему невозможно без точного понимания прошлого и характерного.

Россия необъятна. И не только своим поразительным разнообразием человеческой природы, разнообразием культуры, но и разнообразием уровней — уровней во всех душах ее обитателей: от высочайшей духовности до того, что в народе называют «паром вместо души».

Но буду краток. Я ведь не пророк и не проповедник, хотя убеждать и призывать в последние свои годы приходится часто. Скажу только словами Владимира Мономаха, обращенными им к его читателям: «Аще не всего примете, то половину».

Гигантская земля. И именно земля, почва. Она же страна, государство, народ. И недаром, когда шли на поклонение к ее святыням, замолить грех или поблагодарить Бога, — шли пешими, в лаптях и босыми, чтобы ощутить ее почву и пространство, пыль дорог и траву придорожных тропинок, увидеть и пережить все по пути. Нет святости без подвига. Нет счастья без трудностей его достижения. Идти тысячи верст: до Киева, до Соловков, плыть до Афона — и это тоже частица России.

Я назвал Киев в числе мест, куда брели русские паломники. И это я сделал не случайно. Самая большая

русская святыня была Киево-Печерская лавра. И украинцы могут гордиться, что их город был с самого начала центром всей русской земли: будущей Украины, Великой-россии и Белоруссии. Думать иначе — узость, это значит снижать значение Киева как мирового города.

Я вспоминаю, с каким душевным трепетом я бродил в свои школьные годы по Белозерску — городу, еще в X веке знаменитому тем, что там сел на княжение один из трех братьев-варягов — Синеус (я не знал еще тогда, что и само призвание варягов — легенда, да и Белозерск перенесен на свое нынешнее место в XIV в.). Но с таким же трепетом я бывал и в Изборске (городе другого брата — Трувора), и в Новгороде, где сел Рюрик, и во Владимире, основанном Владимиром Мономахом, и в Ростове, и в Новгороде-Северском, и в Путивле. Каждый город хранит свою особую красоту и вместе с тем в чем-то общую для всех. Каждое село, в котором я бывал, — от Колы близ Мурманска и северных становищ до деревень на Волге, в Псковской области, на Волхове и Пинеге, — имело свое лицо. Невероятное разнообразие и какое-то высокое единство. Все русское. Но и после разделения на три восточнославянских народа не отгороженное глухой стеной от Украины, от Белоруссии, от селений татарских, коми-зырянских, мордовских, карельских.

Общие судьбы связали наши культуры, наши пред-

Город Тотьма

ставления о жизни, быте, красоте. В былинах главными городами русской земли остаются Киев, Чернигов, Муром, Карела... И о многом другом помнил и помнит народ в былинах и исторических песнях. В сердце своем хранит красоту, над местной — еще какую-то надместную, высокую, единую... И эти «идеи красоты» и духовной высоты — общие при всей многоверстой разобщенности. Да, разобщенности, но всегда взывавшей к соединению. А возникло это ощущение единства давно. Ведь в самой легенде о призвании трех братьев-варягов сказано представление, как я давно доказываю, о братстве племен, ведших свои княжеские роды от родоначальников-братьев. Да и кто призывал по летописной легенде варягов: русь, чудь (предки будущих эстонцев), словене, кривичи и весь (вепсы) — племена славянские и угрофинские, следовательно, согласно представлениям летописца XI века, эти племена жили единой жизнью, были между собой связаны. А как ходили походами на Царьград? Опять-таки союзами племен. По летописному рассказу, Олег взял с собою в поход множество варягов, и словен, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северцев, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев...

Русская земля, или, вернее, земля «Русьская», то есть вся — с будущей Украиной, Белоруссией и Великоросси-

*Фреска. Фрагмент.
Петр Александрийский*

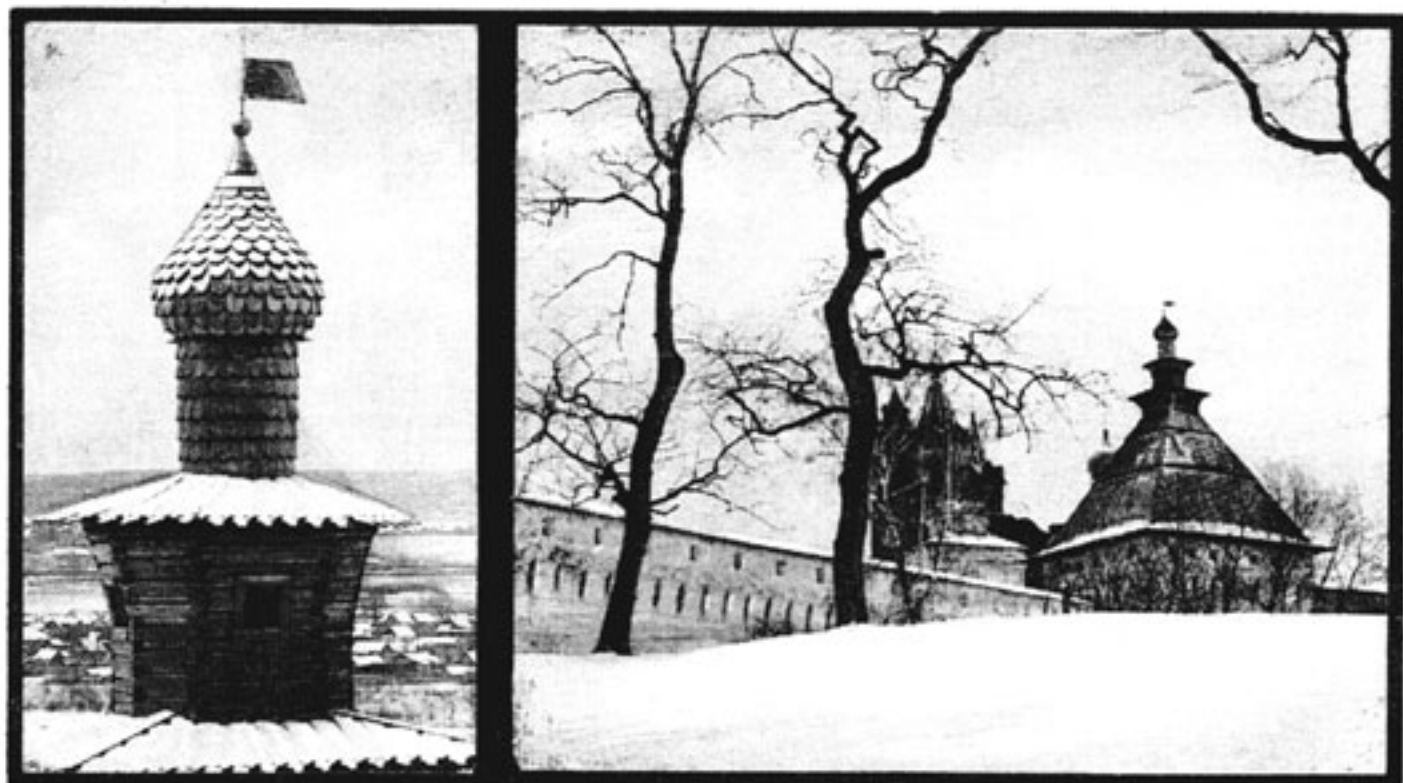
*Новгород. Преображенская
церковь на Нередице*

ей — была сравнительно слабо населена. Население страдало от этой вынужденной разобщенности, селилось преимущественно по торговым путям — рекам, селилось деревнями, и все же не такими уж большими, боялось окружающей неизвестности. Враги приходили «из невести», степь была «страной незнаемой», западные соседи — «немцы», то есть народы «немые», говорящие на незнакомых языках. Поэтому среди лесов, болот и степей люди стремились утвердить свое существование, подать знак о себе высокими строениями церквей как маяками, ставившимися на излучинах рек, на берегу озер, просто на холмах, чтоб их видно было издали. Нигде в мире нет такой любви к сверкающим золотом, издали видным куполам и маковкам церквей, к рассчитанному на широкие просторы «голосоведению», к хоровому пению, к ярким краскам, контрастному зеленому цвету и выделяющимся на фоне белых снегов чистым цветам народного искусства. «Цветам», то есть раскраскам цветов. Цветам, взятым из природы, согласующимся с ней, а вместе с тем и выделяющимся.

И до сих пор, когда я увижу золотую главку церкви или золотой шпиль Адмиралтейства, освещающий собой весь Невский, золотой шпиль Петропавловской крепости — меч, защищающий город, — сердце мое сжимается от сладкого чувства восторга. Золотое пламя церкви или

Звенигород

Ростов Великий

золотое пламя свечи — это символы духовности. «Свеча бы не угасла» — так писали в своих завещаниях московские князья, заботясь о целостности Русской земли.

Вот почему на Руси так любили странников, прохожих, купцов. И привечали гостей — то есть проезжих купцов. «И человека не мінете, не привечавше», — пишет в своем Поучении Мономах. Гостеприимство, свойственное многим народам, стало важной чертой русьского характера — русского, украинского и белорусского. Гость разнесет добрую молву о хозяевах. От гостя можно услышать и об окружающем мире, далеких землях. Потому и вера христианская, как бы наложившаяся на старое доброе язычество, была с таким малым сопротивлением принята на Руси, что она ввела Русь в мировую историю и мировую географию. Люди в своей вере перестали чувствовать себя одиноким народом, получили представление о человечестве в целом.

Но объединяющим началам в русской земле противостоят широкие пространства, разделяющие собой села и города. «Гардарикией» — «страной городов» называли скандинавы Русь. Однако между городами и селами тянулись безлюдные пространства, иногда трудно преодолеваемые. И из-за этого крепили в Руси не только объединяющие, но и разъединяющие начала. Что ни город, то свой нор, то свой обычай. Русская земля всегда была не

Псков

только тысячей городов, но и тысячей культур. Возьмите то, что больше всего бросается в глаза и что больше всего заботило жителей России,— архитектуру. Архитектура Руси — это целый разнообразнейший мир. Мир веселых строительных выдумок, многочисленных стилей, создававшихся по-разному в разных городах и в разные времена. Одновременно воздвигаются храмы в Новгороде и во Владимире, в Смоленске и в Ярославле. И в Новгороде оказываются церкви, построенные в духе не только новгородских, но и смоленских, потом московских и волжских соборов. Ничего агрессивного, не допускающего существования зданий другого стиля или другой идеологической наполненности. В Новгороде существовала варяжская божница, была Чудинцева улица — улица угро-финского племени чуди. Даже в Киеве был Чудин двор — очевидно, подворье купцов из далекой северной Эстонии на Чудском озере. А в XIX веке на Невском проспекте, проспекте веротерпимости, как его называли иностранцы, была и голландская церковь, и лютеранская, и католическая, и армянская, и только две православные — Казанский собор и Знаменская церковь.

2.

Ко второй части своей статьи приступаю не без некоторого волнения. К мыслям, здесь выраженным, легко

придраться, если изъять их из контекста всей статьи, если выдергивать их поодиночке, если просто не пожелать понять, что есть на самом деле в русской культуре.

Первая часть статьи отчасти подготовила к тому, что я скажу сейчас. Соседство через пространства типично не только для русских городов и сел, но и для русской культуры в целом. Мы страна европейской культуры. К этому приучило нас христианство. С ним вместе мы восприняли византийскую культуру: в очень большой степени через Болгарию. Мы создавали свою письменность, собственные литературные жанры, выражали в литературе свои тревоги, но помощь в этом оказывали привезенные к нам болгарские книги, болгарские сочинения, жанры, утвердившиеся в Болгарии, но самое главное — тот литературный язык, который мы получили со всей болгарской культурой. Не вдаваясь сейчас в сложный вопрос о том, как называть тот церковный язык, на котором были написаны привезенные к нам книги и переписываемые произведения, скажем только, что язык этот, переделываясь, возвращаясь к старым формам и снова от них удаляясь, питал русскую литературу целого тысячелетия. Было два языковых центра, вокруг которых вращалась, обогащаясь, русская литература. Первый центр — это тот церковнославянский язык, традиционно связанный с Болгарией, который все русские вплоть до конца десятых годов XX столетия учили сызмальства, с пригготовительных классов гимназии, с первых классов городских школ, реальных, коммерческих и церковных училищ, на котором молились, учились понимать мировые сюжеты европейской живописи, поэзии, философской мысли... Второй (а может быть, и первый, так как он предшествовал церковнославянскому) — это язык разговорный, традиционно русский, с его поговорками и речениями, к которому постоянно обращались летописи, юридические памятники, древнерусские повести, сатирические произведения и т. д. И близкий разговорному язык народной поэзии: былины, исторических песен, духовных стихов (забытых сейчас вместе со всей их народной мудростью), сказок и т. д. и т. п. Всех жанров народной поэзии не перечислишь, но ясно одно — что это тоже язык организованный, по-своему высокий. Какое счастье быть русским писателем, постоянно черпая в своем творчестве в нужном количестве и качестве то из одного

родника, то из другого! В этом отгадка необыкновенного богатства и тонкости языка русской литературы, и особенно поэзии.

Из различных родников создавались и жанры русской литературы и поэзии: свои народные, церковнославянские, польские, западноевропейские. Обогащались взаимно жанры русской, белорусской и украинской литератур. Причем поразительно, что ни один из жанров не исчезал бесследно. Ни один из больших пластов литературы! Древнерусская литература продолжала существовать до XX века. Повествования типа Повести о Бове, о разбойнике Барбосе издавались в XX веке Сытиным. Многие произведения старинной русской литературы переходили в литературу детскую, подобно тому как в детских игрушках продолжали существовать старинные формы паровозов, саней, военных мундиров.

Правда, жанры литературы упрощались, деформировались, приспособлялись к литературным потребностям своей эпохи.

Процесс жанрообразования шел в течение всего развития русской литературы. Эти жанры создавались вновь, но и заимствовались: роман, баллада, поэма и прочее. И всюду приобретали оригинальный, свой, русский характер.

Развивавшаяся в многочисленных центрах письменности и в «литературных гнездах» литература была необычайно богата, соединяя в каждую эпоху разнообразнейший по происхождению материал, свой и чужой, используя свободу выбора и свободу обращения с жанрами. Это относится и к тем жанрам, которые пришли к нам из Византии и с Балкан, и к тем, что явились к нам с Запада, как например, роман, который приобрел у нас свои формы и, забегаая вперед, скажем — идейную, своеобразную русскую содержательность.

Еще ярче эта способность русской культуры обогащаться за счет чужих культур и трансформации своей, старой, сказалась в смене стилей. Русская земля создавала собственные художественные стили в древний период своего развития, до эпохи петровских реформ, а после Петра включилась в общее развитие художественной жизни Запада, постоянно трансформируя художественные стили, впервые возникавшие на Западе, а затем откликав-

шиеся в России. Но как откликавшиеся! Каждый стиль приобретал в России не только своеобразные, но и высшие формы. Барокко, классицизм, сентиментализм, романтизм, реализм! Разве все эти течения и «великие стили» не приобрели в России свои формы и свою содержательность, свою направленность на решение общих проблем? Симеон Полоцкий — белорус, принесший с собой веяния и формы школьного барокко. В Москве он работал отнюдь не на школьные темы, заняв в своем творчестве глубокие и необходимые на русской почве общественные позиции. Радищев и Карамзин — разве это просто сентименталисты? Или они писали вне стилей? А реализм Достоевского? Разве это просто реализм, а не реализм высшего уровня, выходящий уже за пределы обычного литературного реализма? А ведь аналогичные наблюдения мы могли бы сделать в области зодчества. Даже многочисленные итальянские архитекторы, работавшие в Петербурге, не приблизили Петербург к типу итальянских городов. Приглядимся внимательнее — и мы увидим, что Петербург вообще не принадлежит к типично европейским городам. Европейские города у нас — Таллинн, Вильнюс, Рига, Львов, но не Петербург. Тем более он и не восточный город. Петербург — русский, обладающий необычайной восприимчивостью к чужому и творческой переработкой этого чужого в главном.

*Русский лес**Кижи.
Главы Преображенской церкви*

3.

Писать историю русской культуры или хотя бы литературы, архитектуры, философии, живописи, музыки необычайно трудно. Именно потому, что явления культуры самостоятельны, они не всегда четко вливаются в общий процесс. Они свободны и, как свободные, легко воспринимают и творчески перерабатывают чужое — стороннее или просто старое, возвращаются к этому старому или забегают намного вперед, опережая не только свое время в своей стране, но и чужое в других странах, как это было с «серебряным веком» в русской литературе или с авангардом в живописи. Об этой черте говорит, в частности, Блок в «Скифах»:

Мы любим всё — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Эту черту восприимчивости и понимания своего и чужого как своего отмечали многие в XIX и XX веках, нет смысла повторять и развивать это наблюдение. Скажу только (вернее, напомним о том, что давно говорилось), что эта последняя черта доводила русских не только до многого хорошего, но и до многого плохого.

А кстати, обратите внимание, какие различные писатели, поэты, художники, философы живут в прошлом одновременно. Их объединения по общим творческим принципам совершаются легко, хотя легко и разрушаются. Но разве нет аналогичных явлений в западных странах? Есть, конечно. Вообще не бывает ни одной черты в национальном своеобразии, в национальном лице любого народа, которой не было бы у другого, но ведь это не мешает существованию индивидуальностей. Нет ни одного лица, которое совпадало бы с другим. Лицо же России особенно индивидуально, ибо восприимчиво не только к чужому, но и к своему. Может показаться странным — «восприимчиво к своему», но я имею в виду черту особой правдивости, при которой человек не скрывает своего, искренен и во всем своем доходит до крайней точки.

4.

«Стыдливость формы» — эта черта, особенно ярко проявившаяся в русской литературе, связана со всем

предшествующим, о чем я говорил перед этим. Как только какой-либо стиль, манера, жанр, язык начинают определяться в своих формах, как бы застывают, становятся заметными, замечаемыми, так они отвергаются, и автор стремится почерпнуть новое в низших формах, ищет простоты и правды. Обращается то к разговорному языку, то к деловым жанрам, пытается сделать литературным нелитературное. Это особенно заметно у Некрасова, Лескова, Толстого, Маяковского и многих других. Иногда это сочетается с резким поворотом к старому и даже древнему, как у А. Ремизова. На этом основывалась и постоянная «игра» двух главных полюсов русского языка в XVIII—XX веках — церковнославянского и разговорного, просторечного.

«Стыдливость формы» — постоянный источник обогащения русского литературного языка и русской жанровой системы в литературе. Но не только в жанрах и языке проявилась она, а и, по существу, в содержании, в идеологии. «Стыдливость формы» — это и страсть разоблачения всякой напыщенной лжи, стремление к неприкрашенной, «голой правде», ненависть к фразе. Всяческое «опрошение», стыд своей образованности и интеллигентности, хождение в народ и идеализация крестьянства и общины, идеализация Древней Руси, воспринимавшейся славянофилами как нечто простое, крестьянски-однородное. Даже кажущееся сейчас смешным стремление писателей одеваться «под крестьянина», «под странника», иногда под мелкого торговца — отражение той же идеологии. И уж в этом-то мы полностью «самобытны».

5.

Но если говорить об идеологическом своеобразии, то здесь главенствующей чертой, несомненно, должно быть выделено правдоискательство, которое постоянно отделяло русскую мысль от русской государственной деятельности либо даже, ненадолго правда, подчиняло последнюю себе.

Правдоискательство было главным содержанием русской литературы начиная с X века. Да, с десятого, хотя обычно принято начинать русскую литературу, точнее «русскую», ибо она была началом литературы и украин-

ской, и белорусской, с одиннадцатого века. В самом деле, историческая литература, в которой искали «откуда есть пошла», или «вещи сея начало», или место русского народа среди народов других стран, или место русской истории в истории мировой, — такая историческая литература была тоже формой правдоискательства. Древнейшее из дошедших до нас компилятивных произведений, относящееся ко временам крестителя Руси Владимира I Святославича, «Речь философа» — именно такого характера. «Речь» рассказывает о мировой истории в средневековом ее понимании, показывает место Руси в мировой истории и в заключение наставляет Владимира принять христианство. Историческая литература с необычайным размахом составлялась и переписывалась на Руси вплоть до XVII века. И характерно, что один из первых летописцев, создатель самой формы летописания, монах Киево-Печерского монастыря Никон вынужден был бежать от княжеского гнева в Тмутаракань. А затем и пошло... Авторы древнерусских сочинений постоянно становились в оппозицию к князьям — будь то автор «Слова о полку Игореве», или Даниил Заточник, или автор «Повести о разорении Рязани» и т. д. Поучения обращались к князьям чаще, чем к представителям какого-либо другого сословия. Татаро-монгольское нашествие и объединило людей разных социальных слоев, и еще больше разъединило их. Князья и монархи следили за литературой или сами брались за перо. Но это не уничтожило пропасти, которая существовала между государством и литературой.

По отношению к государству в России была не только оппозиция интеллектуальная, политическая, но и «оппозиция души». Вспомним, какие тонкие, нежные лики изображены на некоторых из икон времени Ивана Грозного. Вместе с тем в пору ослабления государства, в период феодальной раздробленности и междоусобных ратей литература сама стала своеобразным «вторым государством». Она переняла у государства его объединяющие функции. Национальное самосознание, сознание своего единства держалось в основном на относительном единстве языка, фольклора, искусства, быта. Я говорю об «относительном единстве», так как наряду с общими явлениями существовали и различия, о которых я уже говорил. Были различия племенные, областные, различия

между культурными гнездами и центрами. Больше всего объединяющей силы было в литературе, произведения которой кочевали по всей Руси, пересылались из одного книжного центра в другой, объединяли Русь общей книжной культурой, а благодаря своей открытости не знали и национальных границ с южными славянами.

6.

Широта свойственна не только пространству, населенному русью, но и натуре русского человека, русской культуре. Многообразие форм, многообразие собственного культурного наследия, многообразие «областных» культурных гнезд и книжных центров в значительной мере определяло исключительную свободу в обращении с культурными ценностями разных времен и разных народов. Вот почему своеобразный символ русской культуры — Пушкин, стремившийся приобщить свое творчество ко всем вершинам мировой поэзии: Данте, Хафиз, Гёте, Шекспир и т. д. и т. п.

Пушкинская энциклопедия, когда она будет составлена, сможет быть источником обширной образованности для любого читателя.

И, по существу, в русской культуре всякое явление культуры предстает в своих наилучших формах, стремится подняться на ступеньку выше, быть наполненным значительным содержанием, обрести свободу от канонов. Таковы философская опера Мусоргского, философский роман Достоевского, философская проза Гоголя, философская лирика Тютчева, даже философский «авангардизм» (Малевич, Филонов, Гончарова и многие другие).

Русская культура не перенимала, а творчески распоряжалась мировыми культурными богатствами. Огромная страна всегда владела огромным культурным наследством и распоряжалась им с щедростью свободной и богатой личности. Да, именно личности, ибо русская культура, а вместе с ней и вся Россия являются личностью, индивидуальностью.

Личность, индивидуальность не терпят одиночества и замкнутости в себе. От этого Россия всегда стремилась любовно усвоить наследие прошлого: наследие Греции, балканских стран, и среди них в первую очередь Болгарии, культуру Италии во всем ее многообразии, сперва, в

XV веке, — зодчество, затем, в XVIII и начале XIX века, — не только зодчество, но и музыку, живопись, литературу. Такое же стремление усвоить культуру Голландии намечается уже в XVII веке и проявляется с наибольшей силой при Петре. А в XVIII и XIX веках пафос усвоения чужих культур обращается, помимо Италии, на Францию, Германию, Англию, Испанию... Что может создать это русское усвоение, могло бы быть продемонстрировано хотя бы на такой специальной области, как балет.

7.

И все ж таки есть одна черта в русской культуре, которая явственно сказывается во всех ее областях: это значение эстетического начала. «Аргумент красоты» сыграл первенствующую роль при выборе веры Владимиром I Святославичем. Рассказ летописи о том впечатлении, которое произвела на послов Владимира церковная служба в константинопольском храме Софии, общеизвестен. Именно это побуждало русских князей строить великолепные храмы во всех основных городах Руси: Киеве, Новгороде, Полоцке, Владимире, Суздале, Ростове, Пскове и других городах. Эстетические формы культуры не смогло полностью уничтожить даже чужеземное иго. И ни о каком отставании в целом в области зодчества, в живописи, прикладных искусствах, фольклоре, музыке не может быть и речи. В литературе выдвинулось на первый план не личностное, а «хоровое» начало, но вопрос об этом хоровом начале должен решаться на фоне существования такого же хорового начала в русской музыке и в русском фольклоре, высота которого в эпосе и лирике бесспорна.

О влиянии христианства на русскую историю, на русский национальный характер, в частности на эстетические представления русского народа, писалось много. Нет нужды повторяться. Но об одной особенности религиозного сознания русских не писалось вовсе. Если сравнить Сергия Радонежского с Франциском Ассизским (а такое сравнение делалось постоянно), то выступает огромная разница в большом и принципиальном. Франциск считал бедность одним из главных достоинств монашества. То же считал и Сергий. Но Франциск проповедовал нищету, бродяжничество монахов, а Сергий запрещал уходить из

монастыря и просить милостыню. Монахи должны были трудиться и трудом своим зарабатывать хлеб. Сергей выполняет всю крестьянскую работу сам. Пафнутий Боровский перед смертью отдает распоряжения по хозяйству. Игумен Филипп Соловецкий технически благоустраивает монастырь, и именно это считается его главным подвигом на Соловках. Иульяния Осоргина спасается даже у себя дома в хозяйственных заботах, приравняемых к подвигам благочестия. Таких примеров особого отношения к труду у русских святых можно привести множество. Христианский идеал приобретал в России существенную добродетель — трудолюбие, заботу о богатстве всего коллектива, будь то монастырь, княжество, государство в целом или простая помещичья семья с ее слугами.

8.

Есть еще одна черта русской культуры, которая неразрывно связана с ее особенностью как личности, индивидуальности. В произведениях русской культуры очень велика доля лирического начала, собственного авторского отношения к предмету или объекту творчества. Можно спросить: как это может сочетаться с хоровым началом, о котором только что говорилось? И вот сочетается... Возьмите древнерусский период, первые семь веков русской культуры. Какое огромное количество посланий от одного к другому, писем, проповедей, а в исторических произведениях как часты обращения к читателям, сколько полемики! Правда, редкий автор стремится выразить именно себя, но получается, что выражает... А в XVIII веке как часто русская классическая литература обращается к письмам, дневникам, запискам, к рассказу от первого лица. Поэзия у всех народов живет самовыражением личности, но возьмите прозу: «Путешествие...» Радищева, «Капитанскую дочку» Пушкина, «Героя нашего времени» Лермонтова, «Севастопольские рассказы» Толстого, «Мои университеты» Горького, «Жизнь Арсеньева» Бунина. Даже Достоевский (за исключением, может быть, «Преступления и наказания») все время ведет повествование от лица хроникера, стороннего наблюдателя, имеет в виду кого-то, от чьего лица течет повествование, кто ведет наблюдение и как бы даже не разбирается, что

происходит, предоставляя читателю радость догадки. Эта домашность, интимность и исповедальность русской литературы — ее выдающаяся черта.

Автор всегда осознает читателя умным и сообразительным, и этим поднимает его над собой, освобождает от мелочной опеки.

И снова «противоречие» в моей характеристике русского искусства. Литература на всем ее протяжении сохраняет «учительный» характер. Литература — трибуна, с которой — не гремит, нет — но все же обращается с моральными вопросами к читателю автор. Моральными и общемировоззренческими.

Может быть, впечатление того и одновременно совсем другого возникает потому, что автор действительно не ощущает себя выше читателя. Аввакум не столько наставляет в своем «Житии», сколько подбадривает самого себя. Не учит, а объясняет, не проповедует, а плачет. Его «Житие» — это плач по себе, оплакивание своей жизни накануне ее неминуемого конца. Ведь он пишет «Житие», когда вот-вот должен прийти конец.

9.

Страстность и темпераментность составляют отличительный характер русского искусства: не только литературы, но и живописи во всех ее видах и во все времена, музыки и, смею утверждать, зодчества. Если бы был найден какой-то способ определять в зодчестве дозу лирического начала, то уверен, это лирическое начало было бы особенно велико в народном деревянном зодчестве и в гениальной древнерусской архитектуре, несмотря на все разнообразие ее форм и стилей по отдельным эпохам и по отдельным областям. Этому очень помогала свобода от чертежей. Примерные чертежи, предварительные наброски существовали, конечно, но в основном зодчие работали в натуре, работали «с образца», то есть по примерному желанию заказчика старались воспроизвести ту или иную существующую церковь, здание, полагаясь на то, что зодчему «мера и глаз укажут». Особенно много для самовыражения давали строителям луковичные завершения, шатры, свобода от строгой симметрии, выбор места среди естественного пейзажа — среди елей, над озером (с разнообразием отражений на водной поверх-

ности. Как завершение дороги или как «возвышение», подъем к небу среди обыденной крестьянской застройки. Всего не предусмотреть в чертеже, но все мог учесть строитель в процессе своей работы (особенно, скажу, если, работая топором, он пел; я наблюдал в детстве и такое).

10.

Первоначальная летопись сообщает, что греческий философ, рассказывая Владимиру I Святославичу о христианстве, развернул перед ним «запону» с изображением Вселенной, а в ней людей,двигающихся группами, — одни в ад, другие в рай. Была ли эта «наглядная агитация» требованием? Да, русская литература началась с самого своего «учительного», проповеднического произведения, но в дальнейшем русская литература разворачивала перед своими читателями более сложные композиции, в которых предлагался читателю тот или иной авторский вариант поведения как материал для размышлений. В этот материал входили и различные нравственные проблемы. Проблемы нравственности ставились как художественные задачи, особенно у Достоевского и Лескова. В русской литературе всегда было мало простой занимательности, как и «среднего уровня». Горные хребты русской культуры (не только в литературе) состоят из вершин, а не плоскогорий, на которых обычно гнездятся простая занимательность или загадки для чтения — кроссворды риторики. Риторика вообще нетерпима в русской литературе. А чистое проповедничество всегда требует именно риторики.

Риторика нетерпима и в живописи. Между тем самая характерная живопись для России — портрет. Я не смогу этого доказать в этой статье. Пусть это останется для читателя моим мнением. Но русский портрет не перестает меня восхищать всякий раз, когда я обращаюсь к русской живописи, даже древнерусской. Ибо в древнерусской живописи ее портретная выразительность — в нравственной поучительности образа. Стоя перед фреской или иконой, испытываешь как бы давление противостоящей тебе личности — почти как перед живым собеседником.

Вы скажете: Рембрандт, Веласкес... Да, поэтому-то

эти художники так сильно влияли на русских живописцев. Они были им сродни. И так важно их иметь в Эрмитаже. Но в Эрмитаже так любопытны и «малые голландцы». Они и были нужны русским передвижникам, да и не только им.

Рассматривая карту культуры Европы, сколько в ней мы узнаем «своего», нужного для нас! Поэтому-то так важна нам наша природная открытость, воспитанная в нас отсутствием естественных границ. Всякая попытка закрыть границы для прохода в обе стороны губительна для нашей культуры. Мы не только получаем из-за рубежа, но мы и даем за рубеж. Как ни странно, эта самоотдача «неразменного рубля культуры» дает нам не меньше, чем процесс получения из-за рубежа. У каждого народа есть, как у летучей мыши, свой эхолот, свой радар. Издания, переводы, отклики на наши произведения за рубежом помогают нам наряду с откликами нашими собственными самоопределиться в мировой культуре, найти в ней свое место. Поэтому-то так важны для нас зарубежные издания и исследования Достоевского, Булгакова, Пастернака, Шолохова и других. Поэтому-то так важны для нас внимание к нашей музыке и музыкантам, к нашим иконам и фрескам (ах, нет у нас еще настоящего музея копий фресок!), впечатления туристов от наших городов, от их образа, их индивидуального облика.

11.

Национальный характер антиномичен. Каждому положительному свойству противостоит своя противоположная отрицательная черта: открытости — замкнутость, щедрости — жадность, любви к свободе — рабская покорность и т. д. Мы судим, однако, о любом национальном типе прежде всего по его положительным чертам. Ведь и в исследованиях искусств процесс их истории восстанавливается по лучшим произведениям, по первому ряду творцов, а не по худшим и не по «второму ряду». Тем не менее русскому народу приписывается как одна из присущих ему черт беспрекословная покорность государству. Доля правды в этом есть, ибо в России не было устоявшихся традиционных форм для выражения народного мнения. Вече, земские соборы, сельские сходы?.. Этого было явно недостаточно. Поэтому независимость,

любовь к свободе выражалась по преимуществу в сопротивлениях, принимавших массовый и упорный характер. Переходы из одного княжества в другое крестьян и отъезды князей и бояр. Уход за пределы досягаемости властей в казачество навстречу любым опасностям. Бунты — Медный, Разинский, Пугачевский и многие, многие другие! Боролись не только за свои права, но и за чужие. Одно из самых удивительных явлений в мировой истории — восстание декабристов. И оно типично русское. Весьма состоятельные люди, люди высокого общественного положения, пожертвовали всеми своими сословными и имущественными привилегиями ради общественного блага. Выступили не за свои права, как это обычно бывало во всех выступлениях, а за права тех, чей труд сами перед тем присваивали. В подвиге декабристов есть много народного. Русь еще в своем восточнославянском единстве, до татаро-монгольского ига, когда она не выделила из себя три основных восточнославянских народа — украинцев, великорусов и белорусов, — знала уже мужество непротивления. Святые Борис и Глеб без сопротивления принимают смерть от своего брата Святополка Окаянного во имя государственных интересов. Тверской князь Михаил и его боярин Федор добровольно едут в Орду и там принимают смерть за отказ выполнить языческий обряд. Крестьяне уходят от крепостного права на край света в поисках счастливого Беловодского царства. Староверы предпочитают сжигать себя, чем поддаться искушению изменить вере. И это непротивление злу? Пожалуй, такое сопротивление нечасто знает история! Царственное пренебрежение материальными благами, в уродливых своих формах переходящее в мотовство.

12.

Было бы нелепо предполагать, что черты русского характера являются врожденными. На самом деле они воспитывались историей, историческими ситуациями, в которые чаще всего попадала Россия, и до нее общая родина всех восточнославянских народов — Русь, Русьская земля.

И характер народа не един. Мы замечаем, как свои отличия в русском характере формировались и формируются у поморов, другие в Сибири, третьи по Волге — в

средней и нижней ее части. Россию нельзя оторвать и от населяющих ее народов, составляющих вместе с русскими ее национальное тело. Россия по богатству своих культурных типов, по сложности вплетения в них различных черт, по энергии своих разных проявлений, наконец, по интенсивности своих отношений с другими национальностями — едва ли не единственная в своем роде страна.

Мы писали выше, что русская культура представляла собой в средние века (да и позднее) подвижное соединение различных центров культуры. В этих центрах были образования разновременные и разнохарактерные... Центры были разъединены между собой территориально и социально. Это вело к тому, что в русской культуре могли сосуществовать очень древние слои и очень новые, легко образующиеся.

Для русского исторического развития характерны одновременно консерватизм и быстрые смены общественных настроений, взглядов. Кажется, что даже самые смены поколений совершаются в России через меньшее число лет, чем на Западе. Это происходит не просто из-за некоторой неупорядоченности русской жизни, но и потому еще, что в русской жизни непременно что-то остается от старого и даже от неправдоподобно старого, а с другой стороны, есть страстность, развивающая это старое и взыскующая нового. Кто бы мог подумать, что у нас продолжается традиционное древнерусское иконописание, составление житий святых (и неплохих) и переписка рукописей древнерусскими приемами? Структура русской культуры не была монолитной, при которой она развивалась бы как единое целое — относительно равномерно и неуклонно.

Культурный уклад России менялся, с одной стороны, кардинально, а с другой — оставлял целостные системы старого. Так было и в эпоху Петра. С одной стороны, решительные перемены, а с другой стороны, не изменившийся уклад жизни крестьянства и решительно с «идеологической основой» сохранявшийся старый уклад жизни старообрядчества.

Русская история — как река в ледоход. Движущиеся острова-льдины сталкиваются, продвигаются, а некоторые надолго застревают, натолкнувшись на препятствия.

Эту особенность русской культуры можно оценивать двойственно: и как благоприятную для ее развития, и как

отрицательную. Она вела к драматическим ситуациям. Но важно еще и то, что благодаря ей русская культура включается в удивительно широкие рамки. Особенности русской культуры чрезвычайно трудно оценить в немногих и однозначных категориях. Как и русскую природу, впрочем. Оценить широту этих рамок в одной статье невозможно. Можно только удивиться богатству и разнообразию того, что русская культура в себя включает.

13.

В настоящее время мы владеем огромным и при этом живым, развивающимся наследием — наследием полей культуры. Часть этих культурных явлений продолжает живую жизнь в современности (как, например, уже упоминавшееся старообрядчество), а другая живет в сбережении музеев, книг, памятников архитектуры и памятников градостроительства (что не следует отождествлять с архитектурой отдельных домов). Это наследие (особенно если оно действительно сберегается как наследие) может оказывать влияние на свободу творческого выбора. Свобода выбора увеличивалась и благодаря открытости русской культуры. Культура всей Европы, всех европейских стран и всех эпох оказывается в зоне нашего наследия. Рядом с Русским музеем существует Эрмитаж, оказавший колоссальное влияние на развитие русской живописи. Перейдя Неву, воспитанники Академии художеств учились у Рембрандта и Веласкеса, у «малых голландцев», которые так повлияли на будущих передвижников...

Русская культура благодаря совмещению в ней различных наследий полна внутренней свободы. К несчастью, свобода, которой она владеет, состоит не только в свободе выбора учителей и учебного материала, не только в свободе творить, но и в свободе отречься от чужого и своего, крушить, уничтожать, продавать, сносить, отправлять в неизвестность здания, города, села, картины, памятники, фольклор, а затем и самих авторов, художников — интеллигенцию в целом.

Итак, нет сомнений, что одно из богатств русской культуры и ее широких творческих возможностей — в свободном и широком выборе учителей, путей, наследия, которое отнюдь не узко одно. И не случайно столько внимания уделяется проблеме внутренней свободы в рус-

ской философии: в философии Бердяева, Франка, Карсавина, а до них — у Достоевского. Сознание предлагаемого выбора было остро у Тютчева и у многих других. Необходимость свободы почти болезненно ощущалась в философской лирике Блока и Владимира Соловьева. Обращаясь к России, Вл. Соловьев говорил:

Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа?

Чтобы самим владеть путями нашей культуры, надо прежде всего изучить особенности истории и культуры России. Осмыслить русскую историю, выявить существенные черты России чрезвычайно важно для современности, ибо многое из того, что произошло и происходит в наши дни, в известной мере определяется и будет еще определяться тем, что представляет собой Россия. И интернационализм, и характер продвижения к будущему, и отношение к прошлому — все это должно корректироваться тем, что представляет собой Россия. Перед нами стоит задача восстановить полноту русской культуры.

Прошлая Россия в наше время не может быть сброшена со счетов даже тех, кто искренне стремится к ее будущему утверждению в веках.

О чем же свидетельствует эта широта и поляризованность русского человека? О чем свидетельствуют «уроки России»? Прежде всего — о громадном разнообразии возможностей, скрытых в русском характере, об открытости выбора, о неожиданности появления нового, о возможности бунта против бунта, организованности против неорганизованности, о внезапных проявлениях хорошего против самого дурного, о внутренней свободе русского человека, в котором сквозь завесу дурного может неожиданно вспыхнуть самое лучшее, чистое и совестливое. Исторический путь России свидетельствует о громадных запасах не только материальных благ, но и духовных ценностей.

Россия не абстрактное понятие. Развивая ее культуру, надо знать, что представляла ее культура в прошлом и чем она является сейчас. Как это ни сложно, Россию необходимо изучать.

Литературная газета. 1988. 12/Х.

Кремлевские купола

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ТЫСЯЧЕЛЕТНЕГО ОПЫТА

— Дмитрий Сергеевич, менее всего хотелось бы, чтобы этот разговор получился столь же круглым и «юбилейным», как сама дата — 1000-летие христианизации Древней Руси. С чего же мы начнем?

— С вопроса о роли крещения Руси в истории культуры Отечества. Я думаю, что с крещения Руси вообще можно начинать историю русской культуры. Так же, как украинской и белорусской. Потому, что в общем культура восходит к каменному веку, к неолиту и палеолиту. Но характерные черты русской, белорусской и украинской культуры — восточнославянской культуры Древней Руси — восходят к тому времени, когда христианство сменило собой язычество.

Христианство — письменная религия, приобщившая Русь к высокоразвитой мифологии, к истории европейских и малоазиатских стран. Произошло соединение с культурой Византии, наиболее передовой страны того времени. Причем это произошло, когда византийская культура переживала пик своего расцвета IX-XI веков.

— Итак, вспомним, как это происходило...

— Русь спасла византийского императора Василия в

момент восстания Варды Фоки. Владимир I направил на помощь императорам Василию II и Константину VIII шеститысячный отряд отборных своих войск — варягорусов, и они подавили восстание. В результате чего, очевидно, Василий II и обещал выдать свою сестру Анну за Владимира. Но, когда император Василий II и его бездеятельный соправитель Константин VIII укрепились на престоле, Василий II забыл о своем обещании, решил его не выполнять, потому что его дед Константин Багрянородный запрещал византийским императорам родниться с инородцами, а тем более с язычниками. И ссылаясь при этом на надпись в алтаре Софии, где говорится о том, что представительницы императорской фамилии не должны выходить замуж за инородцев. Но Владимир сумел доказать свое право военной силой.

— *Он осадил Корсунь — этот греческий город сейчас входит в черту Севастополя — Корсунь пала, и, по преданию, князь сам крестился в корсуньской крещальне, сохранившейся, кстати, до наших дней.*

— Тогда Василий II отдал свою сестру за Владимира I, и в династическом плане Русь поднялась на невиданную высоту, она породнилась с императорским домом Византии. И Владимир Мономах был потомком византийских императоров. Из варварской державы на краю света вдруг появилась держава с мировой культурой, мировой религией, и сразу это было ознаменовано расцветом древнерусской культуры. Необычный расцвет виден уже по строительству Софии в Киеве. Это до сих пор центральное архитектурное сооружение в городе.

— *И почти тысячу лет киевская Оранта, мозаичная Богородица Нерушимая Стена воздетыми в молитве руками удерживает свод храма. И смальта, из которой она сложена, не потускнела и не осыпалась, несмотря на чреду столетий и разорений матери русских городов.*

— А вспомним полоцкую Софию. Это тоже центральный храм в Полоцке. И новгородский храм Софии. Сколько бы небоскребов ни построили рядом, София будет оставаться центром Новгорода. Если только это будет Новгород, а не какой-то другой, чужой нашей культуре город. Затем собор Спаса в Чернигове: и сейчас это центр Чернигова. Успенский собор во Владимире — центральный храм в своем городе. Повсюду возникают

храмы, равных которым у соседей по размерам и по красоте не было, ведь в Чехии, в Моравии и в Польше в это время возводились маленькие храмы-ротонды. А к востоку — великая страна с большими храмами, с фресками, мозаикой, замечательными иконами, замечательной литературой. Скажем, «Слово о законе и благодати» Илариона. Это исключительное произведение, потому что таких богословско-политических речей не знала Византия. Там только богословские проповеди, а здесь историософская политическая речь, утверждающая существование Руси, ее связь с мировой историей, ее место в мировой истории. Это поразительное явление, так же точно, как поразительное явление — Начальная летопись. Потом произведения Феодосия Печерского, затем сам Владимир Мономах, в своем «Поучении» соединяющий высокое христианство с воинскими языческими идеалами. Таким образом, Русь сразу становится мировой державой, а Киев — соперником Константинополя.

— Мне хочется обратить внимание наших читателей на то, какими живыми были для современников связи культурных традиций. Если мы не будем по-пушкински «будить мечту сердечной силой», мы не заметим, что знаменитая Ярославна сопоставляется с той же киевской Богородицей Нерушимой Стеной: ведь Ярославна своей страстной мольбой тоже удерживает обожженные стены Путивля. И такое сближение тем важнее, что в 1185 году единственный город, взятый половцами, пал после того, как рухнули, не выдержав тяжести защитников, две городницы с людьми. И, значит, стена между башнями-городницами. А воздетые к Ветру, Днепру и Солнцу руки Ярославны незримо поддерживают стену. А разве не так сравнивали с Марией своих дам в том же XII веке трубадуры? И разве не помогает Ярославне ветхозаветная Рахиль, ведь Плач Ярославны пронизан цитатами из Плача Рахили: «На Дунаи Ярославнынь гласъ `ся слышитъ...» — «Гласъ в Раме слышенъ бысть. Плачь и рыдание, и вопль многъ...» Читатель древнерусский не требовал комментария этих «сближений». Нам куда труднее... Но как вышло, что Русь так быстро проходит ученическую стадию и включается в мировую культуру на правах равного диалога с ней?

— Я думаю, это потому, что была богатейшая основа в виде фольклора, в виде развитой правовой системы:

«Русская Правда» создана, очевидно, до христианизации Руси.

— *Значит, почва была уже подготовлена?*

— Почва была подготовлена еще великим путем «из варяг в греки». Ведь Русь владела северо-южным европейским путем. В XII веке он переключался на запад, но двумя столетиями раньше великий путь из «варяг в греки» был основным. И христианство идет именно по этому пути. И недаром создается легенда о том, что апостол Андрей путешествовал по этому пути. Здесь, в Херсонесе (той же Корсуни), в Киеве, Новгороде — в этих двух центрах Руси — на этом великом пути и возникает наше христианство. Оно появляется уже в тех языческих войсках, которые нападали на Константинополь. Если по договору с греками 911 года Русь представлена главным образом язычниками, то договор 944 года в первую очередь подписан христианами.

— *Это видно по именам?*

— Нет, просто в договоре указано. Если вы прочитаете в «Повести временных лет» договор 944 года, там сказано, что русь-христиане клянутся в церкви Ильи, а русь-язычники клянутся у своих богов в Киеве. Русь была поразительной державой, в которой соединялись и финно-угорские народы, и тюркские народы, и народы иранские, и восточные славяне. Это видно по именам и по именам богов. Что такое Мокошь? Племя Мокошь. Что такое Перун? Это финно-угорский Перкун. А у нас — Велес-Волос, Стрибог...

— *Вспомним еще из «Слова о полку Игореве» — Хорс, Даждьбог.*

— Тем более Русь нуждалась в политическом объединении. И за несколько лет до принятия христианства, в 980 году, Владимир пытается создать пантеон языческих богов. Но это не выходит.

— *То есть незадолго до крещения Владимир пытается «ввести» язычество, только упорядоченное. Почему же это не вышло?*

— Я думаю, что тут причины совершенно объективные: язычество все было раздроблено по местностям и племенам. И объединить можно было только верхушку язычества, но не всю религию целиком. Кроме того, это религия без развитой письменности, и сказалась изолированность язычества от всей Европы, от Византии.

— Другими словами, язычество было хорошо дома, на полянке?

— Вот именно — на полянке. И оно до времени действительно было хорошо, ведь и в язычестве была своя мораль. И очень важная. Вот вышла замечательная книга Марины Михайловны Громыко «Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX века» (1986), где доказывается, что каждый обряд включает в себе некую моральную норму. Что такое толóка? Это общая работа всей деревни. Но в христианской Руси, на той стадии экономического развития, когда потребность в общей работе отпала, потому что крестьянин владел своей землей и мог ее обрабатывать сам, толóка превратилась в форму помощи бедным семьям. Тем, у которых не было главы семейства.

— Название этого обряда от глагола «толóчь»?

— Да. Но вспомните еще, как в «Слове о полку» называют союзников-язычников. Они упомянуты в сне Святослава.

— Толковины.

— Вот и дохристианская славянская деревня объединялась во время толóки. И еще о так называемом «двоеверии». Я думаю, что это кабинетный миф. Двоеверие не могло существовать, потому что вы не можете одновременно верить и в языческих богов и быть христианином. Это невозможно.

— Это значит, что человек не верит ни в то, ни в это?

— Или лжет.

— Или верит в Христа как еще в одного языческого бога.

— Поскольку высшее язычество было раздробленным, оно и было уничтожено Владимиром довольно мирным путем. Столкнули в воду этих идолов, простоявших в Киеве всего несколько лет. О них поплакали, и о них забыли. И заметьте — не порубили, не сожгли. Проводили с почестями: так обветшалую икону будут класть на воду, доверяя ее реке. И все. Древние боги ушли. А вот язычество в своих земледельческих и бытовых нравственных формах живо до сих пор. Пример — хотя бы домовые.

— Ведь и Мокошь жива в народном сознании. Моя мать, всю войну девочкой прожившая в тверской деревне, сама слышала, что Ивановы живут богато, им по почам

Мокушь (так!) в амбар зерно носит. Крестьяне помнят Мокошь-Мокушь до сих пор, хотя она по всем законам не существует уже тысячу лет. Но кто будет говорить о религиозном двоеверии современных крестьян?

— И эта Мокошь никак не противоречит христианству. Вы помните, что Раскольников у Достоевского кланяется на площади земле, просит у земли прощения? Есть научные работы о поклонении и исповеди земле.

— *Так до XX века поклонялись и исповедовались стригольники.*

— У земли просили прощения, когда плуг или соха драли землю. Люди пели песню, мол, прости, земля родимая, за то, что твою грудушку вспарываю. На вере в землю, на уважении к земле строилось земледелие.

— *И христианство на это не покушалось. Ибо иначе как жить, как растить хлеб?*

— Это не двоеверие, а особая любовь к земле.

— *Риску даже предположить, что сам термин «двоеверие» появляется как следствие пренебрежения к крестьянскому укладу, как следствие активного непонимания устройства крестьянского хозяйства, быта, жизни.*

— Это термин XIX века. И вот что еще очень важно. Вернемся к той же толóке. Люди, чтобы помочь другим, одевались в праздничные одежды, пели веселые песни, наряжали лошадей. Потом устраивались гонки, игры, пирование. Это был праздник. Помощь и милосердие не были вымученными. Не тяжелая обязанность, а праздничный обряд — вот что такое толóка. Так же точно, как и вера в могущество деревьев. Вспомним священные рощи Руси. Перынь — священная роща, может быть, последняя, которая гибнет сейчас в Новгороде от невнимания властей. Она постоянно поддерживалась и возобновлялась новгородцами, а сейчас в роще какой-то лагерь — туристский или пионерский, — и люди вытаптывают Перынь... Вера в деревья, в их целительную силу — как это важно! То, что мы сейчас пытаемся привить всякими научными способами, — все это достигалось жизнью, верованиями: дерево живое, и если жить под большим дубом, то долго проживешь, потому что он отдаст часть своей силы. Разве не так? И христианство это приняло: Троица — праздник всего живущего на свете.

— Дмитрий Сергеевич, да вот же это священное Мировое Древо, древнейшая ось мироздания, прямо в вашем кабинете. Я имею в виду деревце за плечом у среднего ангела на репродукции рублевской Троицы. И сейчас в этот день православные церкви украшаются зелеными ветвями. А не так давно московский биолог Г. В. Сумаруков составил хронологическую таблицу бегства из плена Игоря Святославича, и оказалось, что в «Слове о полку» Игорь прощается с Доном как раз на Троицу, а Донец «растстил ему зеленую траву на серебряных берегах под сенью зеленого древа»! И это же древо в тоске приклоняется до земли, когда на Русь приходит беда.

— В одной из своих книг я воспроизводил изображение древнерусской иконы, на которой деревья кланяются Богородице. А вспомните икону с Власием — заместителем языческого Волоса, где разноцветные кони. Кони, как цветы.

— Сколь же безболезненно совершалась замена того же Волоса на Власия?

— Я думаю, что этот процесс шел более-менее безболезненно. Потому что восстание волхвов в 1071 году было вызвано в первую очередь голодом, а не защитой старых богов. Волхвы уверяли, что какие-то ведуны держат жито за горбом. И надо спороть им горбы, чтобы был хлеб. Так что восстание это не чисто религиозное, а экономическое.

— Но, справедливости ради, здесь, видимо, необходимо напомнить читателю и о христианских поучениях против язычества. Когда языческие обряды и мораль входили в противоречие с моралью христианской, церковь занимала жесткую позицию. Был взгляд на языческих богов, как на родоначальников племен, и его придерживался автор «Повести временных лет». И был взгляд, как на бесов. Его разделяли многие более поздние церковные писатели. Но разве редко так получалось, что воинствующий христианин сам поступал как самый настоящий язычник и, борясь с суеверием, сам впадал в жестокое суеверие?

— Княжеское поведение в миру долгое время определялось языческим кодексом чести и славы. Идеал воина был не христианским, но языческим. Таким он и оставался

ся. Владимир Мономах рассказывает, сколько он походов совершил, с какой быстротой он из Киева достигает Чернигова. Он хвастает этим.

— *И это не христианское поведение.*

— Не христианское. Но очень похоже на поведение Святослава, который ходил «воз по себе не возяше» и питался, конину ли, зверину ли нарезав потонку, под седло подклав, возил с собой. А спал на попоне. Вот языческий идеал князя. Повторю, мы не знаем подробностей высшего языческого культа. Мы знаем обряды, а они в каждой местности свои. И знаем этические нормы язычества.

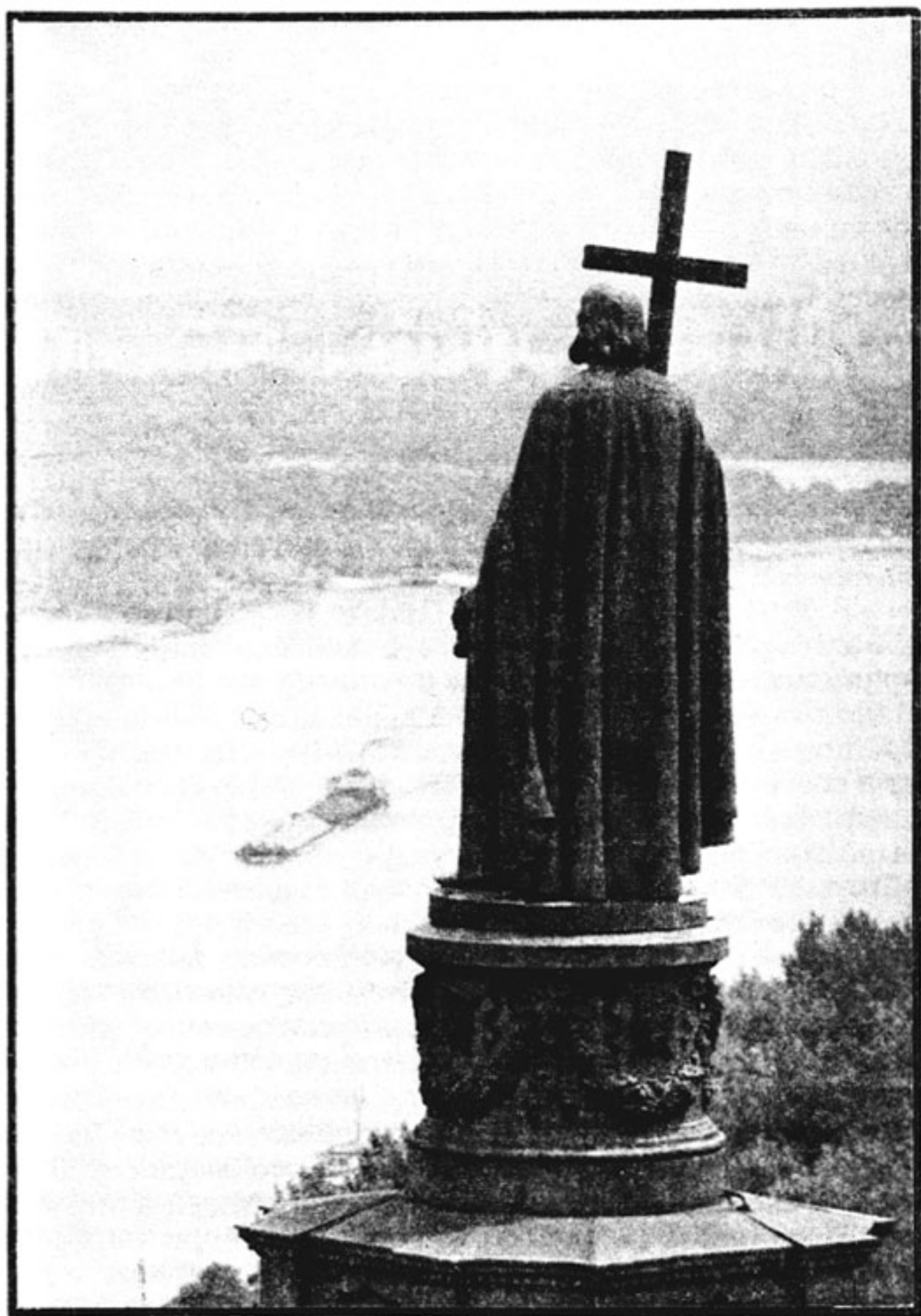
— *В прошлом году вышла книга, где утверждается, что тот же автор «Слова о полку Игореве» — язычник. Почему это невозможно?*

— Невозможно просто потому, что Игорь в конце поэмы едет к церкви Пирогощей Богородицы, и вся поэма пропитана христианским духом. По «Слову» ясно, что языческое мировоззрение не забыто в XII веке. Но оно приняло ту форму, которая характерна и для XVIII или XIX века, когда писатели обращались к языческим античным богам как к определенным символам. Те же «стрелы Стрибога» у автора «Слова» — это уже не религиозная, а эстетическая стадия язычества.

— *Давайте еще скажем, что упоминание языческих божеств и языческой атрибутики у поэта появляется лишь там, где он говорит о прошлом Русской Земли или о том, как это прошлое определяет собой трагедию настоящего. Языческой раздробленности поэт противопоставляет христианское поведение и христианское единение родины. Потому кроме Пирогощей церкви упоминает и два Софийских храма — полоцкий и киевский. Поэт, если развивать вашу, Дмитрий Сергеевич, мысль, показывает, как следование языческим моральным нормам, сколь бы привлекательны они ни были, ведет к трагедии правнуков Даждьбога.*

— В прежних богов уже не верили, как в богов. Но экологическая система язычества была принята и христианством.

— *Заметим, что это мировой процесс: М. И. Стеблин-Каменский, исследователь творчества североевропейских скальдов, писал, что после христианизации Ир-*

Киев. Памятник Владимиру

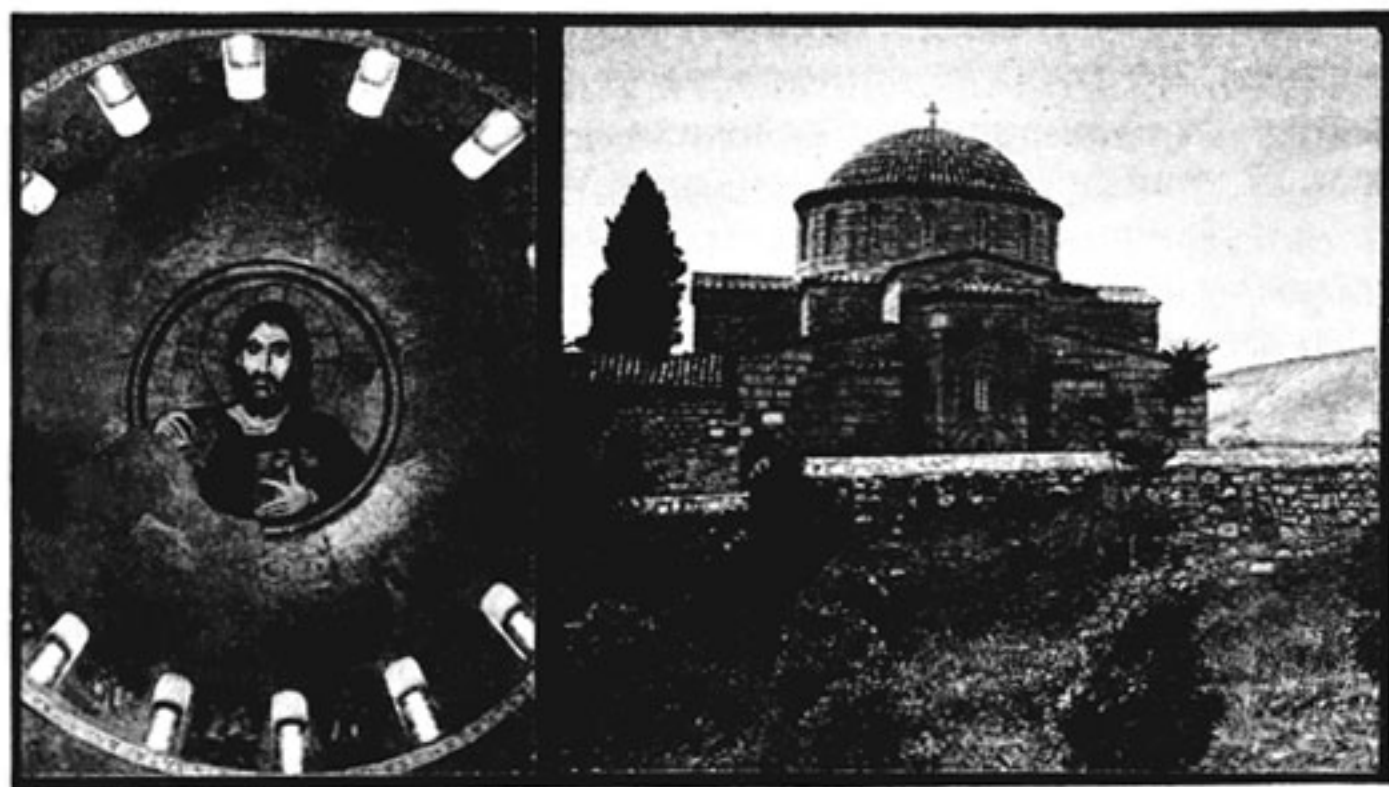
ландии и Скандинавии упоминание о языческих богах исчезает на полтора века. И как раз в эпоху «Слова» они вновь входят в поэзию, но уже в ином качестве.

— Язычество не отрицательная величина. Оно представляет собой определенную культурную ценность, которая с принятием христианства не обесценивается, а поднимается на высоту иного миропонимания. Есть такие строки в одном из псалмов: «всякое дыхание да хвалит Господа...» Языческое представление о «всяком дыхании» поднято здесь на недостижимую для язычества ступень.

— *Есть прекрасная книга Сергея Сергеевича Аверинцева «Поэтика ранневизантийской литературы», где автор, в частности, показал, что христианство было выходом из духовного и интеллектуального тупика античности. Такой тупик к началу эры был весьма осязателен античными писателями.*

— У нас было по-иному. Просто государство не могло жить разрозненными верованиями. Ведь христианство принимается в момент, когда Владимир объединил Русь. Надо говорить не о выходе из тупика, а о государственной необходимости, обеспечить которую язычество было не в состоянии. Государство Владимира держалось не на полицейской системе и не на одной системе военной. Это было многонациональное государство, потому столь необходима была интернациональная религия. Уже после крещения Руси Иштван I (Стефан I) введет христианство в Венгрии, где до этого оно существовало лишь местами — у славянских племен, принявших христианство от Кирилла и Мефодия, великих болгарских проповедников. Иштван вводит христианство западного образца, он объединяет Венгрию силой, как Карл Великий крестил перед этим саксонцев оружием. А у нас и оружия не потребовалось. У нас этот процесс был довольно мирным. Что здесь очень важно для понимания восточного варианта христианства? Вот патриарх Фотий, тот, при котором Аскольд и Дир неудачно штурмовали Константинополь, отправляет болгарскому князю Борису-Михаилу несколько посланий, где говорит, что истина опознается красотой.

— *Кажется, спустя тысячу лет кто-то из великих западных физиков утверждал, что если формула красива, то она верна?*

*Христос Панкратор**Афины. Храм Дафнис*

— Вот-вот. Как в человеческом лице ничего нельзя изменить, если это здоровое и красивое лицо, так для Фотия истинная религия опознается красотой. И послы Владимира, отправившиеся в разные страны в поисках истинной религии, вернувшись, говорят князю, что надо принимать именно греческую веру, ибо у греков увидели они красоту.

— *Но разве мог Владимир знать изречение Фотия?*

— Знал или не знал, но этим было пронизано все. В том числе и решение послов, конечно, не столь лаконичное, как это представлено в летописи.

— *Значит, мы можем летописи доверять?*

— Можем доверять. Даже если ставить под сомнение посылку послов и саму поездку, и аргументацию, как же не доверять самому выбору? Главный аргумент — храмы, покорявшие живой, истинной красотой. Владимир озабочен постройкой храмов, а Иштван I в Венгрии не озабочен. Так же, как Польша и Моравия, принявшие христианство с Запада, не озабочены. А Владимир строит, строит, строит. Приглашает греков. Создает целую сеть ремесел. И потом это сказывается на всей русской культуре. Это проявляется в примате эстетического момента над философским. Кто лучшие русские философы? Державин (в оде «Бог»), Тютчев, Достоевский, Владимир Соловьев. Даже Чернышевский стремится-

ся быть писателем. Можно спорить — хорошим или плохим, но русские философы — это все писатели, художники. И «умозрение в красках» — это иконы. Какой наш самый великий трактат начала XV века? Троица Рублева.

— *Дмитрий Сергеевич, об этом мне хотелось бы чуть подробнее. Нам говорили, что Гагарин летал, но никакого бога не видел. Конечно, для растущего в атеистической семье ребенка это может быть аргументом. Но можно ли назвать такой атеизм научным, если верующий знает, что икона — «уподобительное изображение», дабы от зрительного образа он мог подняться к тому, что, как сказано у византийского философа, «никакого чувственного образа не имеет»?*

— В стремлении к красоте и постижению мира через красоту было преимущество, но был и недостаток.

— *Сейчас в «Науке» выходит сборник, где есть статья о монограмме «ИЦИ», вписанной в колонны здания на рублевской Троице. Это сокращенная запись того, что написал на табличке креста Понтий Пилат. Левая колонная — «I». Справа — «H». Вместе они составляют «Ц». А последняя буква совпадает с тем же «H»: такие графические совмещения встречаются в древнерусских книгах. Монограмма у Рублева устроена так, что малейшее искажение пропорций ее убивает. И вот уже спустя несколько десятилетий иконописцы не видят ее, они рационализируют рублевскую архитектуру. Но, может быть, самое удивительное, что тайнопись у Рублева не самоцель, а ключ к философской картине мира.*

— Университетского образования на Руси не было, но страна была грамотная. Очень грамотная. В свое время это доказывал по подписям под документами академик А. И. Соболевский, а теперь это ясно по раскопкам в Новгороде. Мы уже перестали удивляться берестяным грамотам. Университетов нет, зато искусство никак не отстает от Запада.

— *И идет по самобытному пути.*

— Самобытность в чем? Наши храмы веселые, украшенные. Если хотите, тут даже какой-то элемент Востока. Или, точнее, элемент веселой красоты. Православное христианство — самое веселое христианство. Помните у Тютчева: «Я лютеран люблю богослуженье»? Но поэт подчеркивает мрачность этого богослужения. Обратите внимание, что и католические храмы суровы в своей

грандиозности. Тогда как русский храм благодаря светлому, яркому, сияющему иконостасу, благодаря очеловеченному устройству пространства, его космизму и золоту огня просто красив. И светел.

— Давайте остановимся хотя бы на одном памятнике. Прошлым летом я был поражен Спасо-Преображенским собором Мирожского монастыря в Пскове. Сейчас ~~та~~ закончилась реставрация, и во всем великолепии предстали фрески середины XII века. Вот к куполу возносится на многоцветной радуге Христос, а лучи света из узких окошек его поддерживают. Вот из такого же оконца тянется луч от архангела к Марии. А вот древнерусские мастера пошли на нарушение канона и написали композицию Сретения зеркально. Отступив от буквы, они добились того, что Мария протягивает младенца в центр храма, где на престоле уже сидит ее взрослый сын. Тут каждой псковитянке должно быть понятно: как она принесла сюда свое чадо, так было когда-то и с Марией. Почему понятно? Да потому, что дорога от города как раз и расположена справа налево, с юга на север. И вся северная часть храма повествует о смерти, а южная — о воскрешении. А вот пещера с погребенным Лазарем на глазах из черного провала превращается в зеленое дерево. Так, при самом беглом первом взгляде видно, что пересекаются верования языческие и христианские, делается гениальная попытка прорыва в одушевленный и одухотворенный космос. Нет картины Страшного Суда: вместо нее — сошествие Святого Духа на апостолов. Оглядываешься, где же Страшный Суд? А он здесь, в тебе, в твоей душе, потому что Судия уже сидит на престоле прямо перед тобой. И более всего меня поразило, что храм расписывали греческие и русские мастера вместе, но создали даже не ансамбль фресок, а единое повествование, аналогов которому я не знаю.

— Надо сказать, что Русь никогда не была отгорожена от других стран: она впитала в себя и византийскую культуру, и западную, и скандинавскую, и культуру южных соседей — кочевников. Потому что своя основа была необычайно сильна. Какой язык был у нас еще до влияния церковного, книжного языка! Как поразительны по краткости и красоте обращения князей к войску и речи на княжеских съездах! Эта не фольклорная, но ораторская, устная традиция была необычайно сильна.

— *Дмитрий Сергеевич, хотелось бы коснуться роли монастырей в христианизации Руси.*

— Роль монастырей чрезвычайно интересна. Мы привыкли к тому, что культура развивается главным образом в городах. На самом же деле смерды с самого начала становятся крестьянами, то есть христианами. В древнейшей летописи смерды упоминаются только один раз. Значит, в крестьянской среде христианство распространялось очень быстро. И это невозможно было при помощи меча, но возможно при помощи самого язычества, которое христианизовывалось и делало понятным христианство. Смерды видели в христианстве как бы продолжение своего язычества. Но открывались новые горизонты, и они готовы были эти горизонты принять. Русь поняла, что помимо кругового календарного времени есть и горизонтальное, в которое втянуты соседние народы. Или, скажем, вертикальное время.

— *Круг стал спиралью?*

— Да. Христианство у нас начало развиваться по великому пути «из варяг в греки» потому, что тут видели иностранцев, иноземные товары, знали о существовании других народов. И тут появляется понимание, что история не ограничивается местными курганами, что есть история человечества. У славян была письменность, но письменность неорганизованная. Ведь черноризец Храбор говорит о том, что славяне писали чертами и резами, но без устройства. Для первой письменности использовались или свои знаки, или даже греческие буквы. Скажем, знак того, что в этом сосуде находится вино, и такого-то сорта, а в этом — зерно. С христианством пришла письменность иного, высочайшего класса. Это была письменность с устройством, со знаками препинания, с разделением на слова, с определенной грамматикой. Это письменность литературного языка и богатейшей литературы. Появляются сложнейшие понятия: значит, язык был подготовлен к принятию христианской идеи, к принятию письменности. И тут примечательна роль монастырей. Как осваивались новые земли? Они осваивались монастырями, где прежде всего занимались письменностью. Самое богоугодное дело — письмо. Вот почему при продвижении христианской культуры на север сначала образуются монастыри. Ярославль — это Спасо-Преображенский монастырь. Вологда — Кирилло-Белозер-

ский монастырь. И там главным образом развивается письменность. Потом Валаам. И там письмо. Потом Соловки — и там та же картина. При монастырях колоссальные книгописные мастерские. Книга осваивала новые территории. Теперь ясно, что в Сибирь везли книги. И этим завоевали Сибирь. Не столько оружием, сколько книгой.

— *Вспомним хотя бы так называемую зырянскую Троицу, икону с пространной надписью по-зырянски, сделанную Стефаном Пермским, просветителем зырян. Она дошла до нас из XIV века, и ее можно увидеть в вологодском музее.*

— Монастыри строились за городом. И Киево-Печерский монастырь был за городом, и Троице-Сергиев, главнейший центр русской книжности, монастырь — мать многих русских монастырей. Наш отдел древнерусской литературы Пушкинского Дома занимается изучением книжных центров Древней Руси. Совершенно ясно, что книжность идет на окраины, и на окраинах происходит огромная книжная работа. Если сейчас пишут в домах — пятиэтажных и двадцатиэтажных, то тогда писали в лесах.

— *А могла ли существовать русская дохристианская литература? Что вы думаете о «Влесовой книге»?*

— Это подделка. Ясно, и когда, и как появляется эта примитивная фальсификация, и почему она становится популярна в белоэмигрантской среде. «Влесова книга» — это неинтересно. Давайте о чем-нибудь настоящем...

— *Если Русь крещена, как представляют некоторые авторы, огнем и мечом, почему за три века татарщины не произошла реставрация язычества?*

— Татаро-монголы, которые завоевали Русь, были многобожниками, а многобожие сильно тем, что признает новых богов. Батый был веротерпим. Когда мусульманство овладело татаро-монголами, тогда и началась священная война Дмитрия Донского против Мамаю. Поход Мамаю — это не просто очередной поход, это поход ислама на Русь.

— *Кстати, это понимали и современники: в повестях Куликовского цикла говорится, что Мамай собирается не разрушить русские города, а захватить и владеть ими. То есть ставится задача оккупации и порабощения Руси, ее*

мусульманизации. И перехода монголо-татар к оседлому владению русскими городами.

— Тогда Дмитрию понадобилась поддержка христианства, и он обращается к Сергию Радонежскому. А Сергей — главный авторитет в русском крестьянстве. Почему? Да потому, что он делал всю крестьянскую работу. Сергей Радонежский — русский аналог Франциска Ассизского: у него то же отношение к природе, птицам, зверям... Это нищенствующее христианство, идущее от бедности и тесно связанное с народом. Но Франциск был на полтора столетия раньше и действительно жил подаянием. Сергей не занимался нищенством, он занимался простой крестьянской работой. Для крестьянина Сергей Радонежский был более авторитетен, чем митрополит, чем церковь в Москве и где бы то ни было.

— *Но почему московский князь едет к нему?*

— Дмитрию необходимо ополчение. Впервые в русской истории пришла нужда мобилизовывать народное, крестьянское ополчение. И князь обращается к главному авторитету крестьянства, христианства. Для них Сергей глава народа. И Сергей Радонежский пошел на нарушение церковных канонов...

— *Дал Дмитрию двух иноков...*

— Не просто иноков, а схимников. И это не значит, что дал двух богатырей. Два богатыря, какими бы они ни были, ничего бы не значили в такой битве. Но они создали уверенность у войска, что это святая битва, что умершие здесь пойдут в рай, что эта битва не просто убийство ради спасения родины, а священная война. Они идут защищать свою землю и потому разрушают на Оке за собой перевозы. Они перешли. И назад не пойдут: они тут станут, на Рязанской земле.

— *И тут умрут, скрепив своей кровью русскую землю. Недаром само понятие Россия появляется с конца XIV столетия. Напомним, что и Андрей Рублев пишет Троицу «в похвалу преподобному отцу Сергию» и — как сказано у Епифания, — «дабы воззрением на Святую Троицу уничтожался страх розни мира сего».*

— Сергей Радонежский был проводником определенных идей и традиций: с церковью связывалось единство Руси. Князья ссорились, наводили татар на Русскую Землю, как когда-то половцев. Шло постоянное соперничество за великое княжение, за титул великого князя. А

Соборы Московского Кремля

Интерьер Благовещенского собора Московского Кремля

церковь-то была едина. И поэтому главная идея рублевской Троицы — идея единства, столь важная во тьме разделения нашего... Дмитрий Донской начинает не с объединения территории, а с объединения национально-нравственного. Этим-то и замечателен московский князь, ставший во главе русского войска. И Москва от этого выиграла в глазах всей Руси. Она выиграла не потому, что, как пытаются это доказать, стояла на очень выгодных торговых путях, а потому, что в этой сложнейшей ситуации возглавила политику объединения Русской Земли. То есть Москва выиграла духовно.

— *Но есть же экономические законы!*

— У нас бытует неправильное, вульгарное представление об экономических законах. Эти законы, конечно, в основе всего, но, когда они приводят к духовному процветанию, в какой-то момент духовное начало начинает играть главную роль. Москва не была экономически сильнее Твери или Новгорода, она оказалась духовно сильнее. Если Новгород ничего не делал для объединения Руси, потому что был республикой, то в Москву переехал митрополит Всея Руси, и Москва стала символом духовного объединения.

— *Был ли обязательным церковный раскол в XVII веке? Были ли необходимы и неизбежны никоианские реформы?*

— В какой-то мере они были обязательны, но могли быть иными. Москва стала центром и для Украины, и для Белоруссии, и поэтому православная церковь должна была иметь единые обряды. Инициатором раскола был Никон, потому что он отменил старое двуперстие ради нового троеперстия. К тому времени обряды у греков, как говорили на Руси, «испоганились», было много «новизны», а в России сохранялись традиционные обычаи. Можно было найти какое-то компромиссное решение, но Никон взял сторону Украины для объединения ее и Белоруссии с Россией. На Украине же было «от грек идущее» троеперстие. Сейчас ясно, что во многих случаях старообрядцы были правы, поэтому, как известно, нико-нианам пришлось подделывать некоторые документы. Кроме того, Никон обладал чрезвычайно жестоким характером. Как и Алексей Михайлович, тоже обладавший крутым характером: недаром он был отцом Петра. Никон и Алексей начали вводить обрядовое единообразие очень жестокими мерами, чем усилили раскол русской церкви. Вот пример роли личности в истории.

— *Когда же наступает тот исторический миг, после которого духовные искания цвета нации расходятся с установками официальной ортодоксии?*

— Я думаю, что очень большую роль, отрицательную роль, тут сыграла система семинарского обучения. В XIX веке на смену дворянскому образованию пришло семинарское. На смену дворянской культуре — разночинная. Культура Добролюбова и Чернышевского. Разночинство было главным проводником атеизма, потому что их образовательной опорой была, как это ни парадоксально, семинария. Она отбивала охоту от казавшихся устарелыми церковных догм. Когда к священным предметам и обычаям слишком близко подходит человек, священное теряет обаяние священности. Слишком обыденной, слишком простой стала церковь для интеллигенции из разночинцев. Было в ней что-то деревенское, устарелое. Было и что-то от театра, где роли и актеры заранее известны. Кроме того, как и у католиков, в наших семинариях проводились дискуссии: кто-то брал на себя роль атеиста или еретика, и ученики вживались в роль просто по юношескому духу противоречия. Их атеизм провоцировался начальством и преподаванием. Но главная причина, конечно, заключалась в том, что

вообще весь цивилизованный мир становился атеистическим. Это относится и к Европе, и к Америке. Появление материалистов было закономерностью развития тогдашней науки. Есть научный дух, разный в разные времена. Скажем, в эпоху Ренессанса наука была зрительной, поэтому в Италии образуется академия Рысьих глаз. В это время главный признак ученого — точный глаз, способный замечать и мелкое в быту, и то, что на небе, например звезды в телескоп. Потом наступает период математизации науки и объяснение явления из самого явления. Затем появляется формула: человек есть то, что он ест. Появляются всякие Базаровы. Базаров — это явление общеевропейское, потому что наука переживает такой период, что Бог ей не нужен. А потом, уже в XX веке, в космическом пространстве и в пространстве атома обнаруживаются различные неясные явления, и тут ученый может быть и верующим человеком. Таких случаев мы знаем немало.

— *Но сначала, еще веке в XVI—XVII, когда зарождается конфликт науки и церкви, когда западноевропейские ученые в рясах в силу научных фактов вынуждены идти против церковной картины мира, видимо, в этом конфликте повинна сама ортодоксия? Ведь монах Коперник выступает против геоцентрической системы язычника Птолемея и язычника Аристотеля.*

— Конечно. Но и ученому XIX века казалось, что вот-вот здание науки будет достроено и все будет объяснено. Так до появления таблицы Менделеева. И возникает миллион новых вопросов. После таблицы Менделеева появляется возможность атомной физики. И расширяющаяся Вселенная, и многое другое.

— *Целые отрасли современной науки выросли из религиозных исканий средневековых ученых. Скажем, из подсчета, сколько ангелов поместятся на острие иглы, возникло интегральное и дифференциальное исчисление, теория «размытых множеств». Многие из того, что наукой было сдано в архив как суеверие, в конце XX века осмысливается как прозрение донаучной мысли.*

— Многие идет от недостатка воображения. Система Коперника и Галилея не покушалась на церковные догмы: Земля могла оставаться центром Вселенной и вращаясь вокруг Солнца. Просто надо было построить не-

сколько более сложную математическую модель. Ведь Солнце само движется в космическом пространстве.

— *И чтобы заключить эту тему: у нас образуется разрыв между развитием собственно религиозной мысли и ее оппонентом — научным атеизмом. Критика религии у нас нередко подменяется тем, что ниже всякой критики. Пользуясь случаем, хочется сказать о необходимости специального издания, некоего «Диалога», где на равных правах выступали бы ученые, богословы, философы, поэты и писатели. Так, по крайней мере, мы сможем освободиться от предрассудков, найти общие точки позиций. И уж, во всяком случае, не вести полемику в разных плоскостях, не слыша и не понимая друг друга. Итак, когда же идеология официального православия стала духовным тормозом в развитии нации? Откуда отсчитывать? С николаевской формулы Самодержавие — Православие — Народность? Или раньше? Почему декабристы в своем большинстве люди верующие, а разночинцы нет?*

— Я думаю, что очень многое зависело от Петра I. Хотя сам Петр любил православное богослужение и пел на клиросе и ни в коем случае не был атеистом. Петровские реформы были продолжением реформы Никона и привели к страшному падению авторитета церкви. Если исповедник лишается права тайны исповеди, если священник государственным указом обязан доносить, то какой же может быть авторитет у церкви? Тут и расцветает старообрядчество. Расцветает не столько при Алексее Михайловиче, сколько при Петре и Николае I. И уже ничего нельзя сделать. Роль Николая I в этом процессе очень отрицательная: он гонением на староверов во многом разрушил экономику России. Наиболее состоятельный и работающий класс — старообрядцы. И уральскую промышленность старообрядцы создали. Законы Николая I против них разрушили русскую металлургию. При Екатерине и при Александре I русская артиллерия была первой в мире. Россия была передовой по количеству и качеству выплавляемого металла. Если вы спросите археологов, копающих на Бородинском поле, они скажут, что сразу видны отличия русских ядер от французских. У русских качество отливки другое, нет раковин. Захваченные англичанами русские пушки старой отливки стоят во многих английских и шотландских городах. До сих пор англичане восхищаются качеством отливки

этих пушек. А при Николае Россия начинает отставать.

— *А все же почему уваровско-николаевская формула Самодержавие—Православие—Народность была с таким отвращением встречена русской интеллигенцией?*

— Самодержавие нельзя было отождествлять с православием. Я не берусь судить, насколько тут вина церкви, хотя вина, скажем, митрополита Фотия и других была. Гарантия авторитета церкви — отделенность ее от государства. Церковь и государство переплелись, и все вины государства падали на церковь. Эта формула погубила тогдашнее православие или, во всяком случае, подрубила его. Церковь должна быть отделена от государства. Тысячелетие назад христианство стало государственной религией Древней Руси и объединило Русь, а потом Россию, Белоруссию и Украину. В этом была сила, в этом же и слабость: подчиненная государству церковь утратила свою духовную свободу, свободу совести. Дальнейшее было предопределено: верующий — значит монархист. А христианство — это не идеология, буржуазная или социалистическая. Это мировоззрение плюс этические нормы поведения в быту, в жизни.

— *Последние лет пятнадцать на страницах наших газет замелькало слово «духовность». Употребляется оно в сугубо светском смысле и противопоставляется бездуховности...*

— Я не знаю, что такое «духовность» в газетном смысле. Слово пестрит, но определения ему никто не дает.

— *Так что же, слово-фантом? Слово-эрзац?*

— Я понимаю так: если под этим подразумевается жизнь умственная, жизнь интеллектуальная, то уровень ее действительно падает. Падают интеллектуальные интересы — меньше стали читать философскую, классическую, художественную литературу, настоящую поэзию. В поэзию вторгается фельетонизм. Это плохо. Интеллектуальная сторона, столь сильная в Пушкине, Тютчеве, Фете, в поэзии Владимира Соловьева и Александра Блока, сейчас у наших наиболее популярных поэтов ослаблена. Стихотворный фельетон, то есть стихи, разоблачающие или воспевающие какое-то событие общественной жизни, подменяет поэзию. Это, кстати, было и у Некрасова. Но все-таки Некрасов умел поднять фельетон до поэзии, а нынешние не умеют.

— Несомненно вклад Русской православной церкви в Победу над фашизмом. Почему же не появились яркие церковные памятники, или мы просто не знаем этих произведений?

— Ну где же они могли появиться, если не печатали Платонова и Набокова? Тем более что общедуховное падение коснулось и церкви.

— И тем не менее в 70-е годы многие из моих сверстников обратились к религии. Гражданская реализация личности была крайне затруднена для того, кто не хотел принимать участия в славословиях или делать карьеру...

— Ну, тут я с Вами, Андрей Юрьевич, не соглашусь. Когда человек идет в церковь ради моды или только ради перемены мировоззрения, — это тоже ложь. Церковь — это не одна перемена мировоззрения, это уже перемена образа жизни, обычаев. У верующего и быт должен быть религиозным, с соблюдением постов, праздников и так далее. А многие ходили в церковь из чувства протеста против официозной лжи. И в этом тоже был элемент лжи. Христианство требует не одного христианского мировоззрения, а действий. Без действий вера мертва. А действий-то и не было.

— Веру верить значит дело делать? Но в 70-е годы печать забила тревогу: комсомольцы крестят детей. А православные батюшки стали даже поговаривать о втором крещении Руси.

— Очень неточное выражение. Христианство было на Руси и до крещения Руси, до принятия христианства. И княгиня Ольга крестилась, и церковь Ильи существовала в Киеве. Крещение Руси — официальное принятие христианства государством, соединение церкви и государства. Говорить о втором крещении Руси ни в коем случае нельзя, это было бы несчастьем для христианства — воссоединение церкви и государства. Наоборот, церковь должна быть полностью отделена от государства для того, чтобы она могла свободно развиваться и быть религией в полном смысле этого слова. Вообще общественный прогресс заключается в свободе, в увеличении сектора свободы. Я писал об этом в статье «О будущем литературы», она повторена и в моем трехтомнике. Сектор свободы по всем линиям увеличивается, а сектор свободы церкви в том, что она отрешается от своей

зависимости от государства. Зависимости какой? Либо поощрительной, либо непоощрительной.

— *Вопрос из волнующих сегодня особо: почему христианин не может быть националистом, а националист — христианином?*

— Это легкий вопрос. Потому что христианство — вселенская религия, в равной мере религия и для негров, и для китайцев. Поскольку христианство интернационально, постольку оно является великой религией. Если оно сводится к религии национальной, оно перестает быть собой. Мне не хочется упоминать религий, замкнутых в одном народе. Их несколько, но это большой недостаток этих религий.

— *Дмитрий Сергеевич, в чем же главный итог юбилея русской церкви?*

— В том, что церковь не должна вмешиваться в дела государства, а государство — в дела церкви. Эта зависимость их друг от друга была предопределена еще Владимиром I. Много еще предстоит сделать, в частности преодолеть страх чиновников. Вот малый пример: под Гатчиной перед музеем Вырской почтовой станции кто-то боится поставить крест на восстановленной часовне. Тоже суеверие? Наконец, надо издать Библию, потому что Библия — это код современного искусства. Значит, от такого положения страдают не только верующие, но и атеисты. Мы воспитываем патриотизм, но не знаем богатейшей древнерусской словесности, ведь она недоступна без знания христианской проблематики. Отсюда и спекуляции, и секты, и увлечение Бог знает чем. Остается надеяться, что положение поправимо, если мы не будем бояться диалога.

Беседу вел А. Чернов

Огонек. 1988. № 10.

ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНОГО СЛАВЯНСТВА И МИР

Мы должны в полной мере осознать тот знаменательный факт, что нашим братским литературам — украинской, белорусской и русской — исполнилось тысяча лет.

Почему мы должны это осознать? Что за обязанность лежит на нас? Прежде всего это наш долг перед нашими героическими предками. Героями делаются не только на войне — герои и те, кто вопреки трудностям создает новое, новую культуру, новую форму культуры.

Далее. Мы должны осознать этот факт для того, чтоб оглянуться назад, подвести итоги тысячелетия и с новыми силами, новым взглядом на самих себя продолжать наш путь, раз он того стоит... Мы должны проверить наш компас, нравственный компас, по которому мы движемся в бурном океане современных проблем. Часы, по которым мы, люди письменной культуры, живем, отсчитывают уже второе тысячелетие. Стрелка компаса имела отклонения, но в целом служит нам верно.

Что сохранить нам из наших традиций? Чем мы сильны? Что мы сделали не только для себя, но и для всего мира и мировой культуры, для человечества и человечности? Шли ли мы — украинцы, русские, белорусы — в ногу друг с другом и в ногу с мировой литературой? Что мы взяли у других и что мы им сами дали?

Служили ли мы прошедшую тысячу лет делу мира — мира во всех его смыслах: миру — «тишине», «спокойствию», «мирному времени», и миру — «вселенной», «земному шару», и миру — «человечеству»? (Все три значения слова «мир» не случайно сходятся на одном слове!)

Д. С. Лихачев

Стремились ли наши литературы развлекать и отвлекать или, напротив, они влекли к поискам истины, правды (опять-таки в специфически русском значении этого слова, совмещающего в себе истину и справедливость: правда-истина и правда-справедливость)?

Над всем этим вы должны сейчас задуматься, именно сейчас, когда кончается первое тысячелетие существования у нас письменной культуры.

Восточнославянская письменная культура, а в недрах ее и наша восточнославянская, еще не разделенная литература Древней Руси, возникли одновременно и постепенно, и внезапно...

От самого начала до нас дошли только «признаки» и «знаки» существования письменности и деловые тексты.

В пространном «Житии» Кирилла-Константина, относящемся к XI веку, говорится о том, что в Крыму, где издавна были поселения Руси, Кирилл-Константин нашел Евангелие, писанное по-русски — «русьскими» письменами, т. е., по-видимому, на языке Руси, восточнославянском, ибо сам Кирилл-Константин легко стал его понимать. Впрочем, ученые спорят — был ли это язык Руси или какой-то иной, «рушьский». Но вот более достоверное известие и вместе с ним документы: договоры русских с греками 911 и 941 годов. Там сказано, что договоры Руси с греками составляются на двух языках и один экземпляр хранится у греческой стороны, а другой — у русской. Дошедшие до нас тексты в «Повести временных лет» несомненно, как это доказал академик С. П. Обнорский, X века, т. е. перед нами памятники письменности первой половины X века. Письменности (!), но еще не литературы!

Но уже существование на Руси староболгарских книг — переводных с греческого и оригинальных — было явлением восточнославянской литературы, ибо книги эти были понятны на Руси, язык их оказался очень близким к русскому разговорному и деловому, хотя более сложным. Еще до официального признания христианства Киевским государством христианство на Руси было уже распространено. Христиане были в составе тех дружин, которые ходили на Константинополь, христиане были и в Киеве, где на Подоле стояла церковь Ильи Пророка. Раз были официально признанные христиане, была церковь, то было и богослужение, совершавшееся по книгам, и

тексты в книгах были рассчитаны и на эстетический эффект, а это уже ближе к литературе.

Из этого следует факт более раннего проникновения на Русь чтения. Чтение в широком плане предшествовало на Руси письму, а переводы — собственным произведениям. Как и всякие младенцы, наши предки в X в. раньше научились читать и слушать читаемое, чем писать. Но ведь и это нелегкое дело! Правда, искусство слова существовало издавна, и нельзя даже указать, сколько веков оно существовало, ибо фольклор — ровесник устной речи, а сама устная деловая речь имеет разные эстетические формы: воинские речи, произносившиеся князьями перед битвами и выступлениями в поход (вспомните знаменитые речи князя Святослава), речи на княжеских съездах, на вече, судебные установления, облакавшиеся в кратчайшую и выразительную форму, речи, передававшиеся через послов союзным или враждебным князьям.

Как я предполагаю, еще до официального принятия Русью христианства возникло произведение, пропагандирующее новый христианский взгляд на всемирную историю, — «Речь философа», включенная впоследствии в «Начальную летопись». Это полукомпилятивное произведение должно было дать представление обращаемому в христианство народу о всемирной истории, — и народу, и его правителю.

Можно спорить о том, была ли «Речь философа» русской по происхождению и была ли она уже произведением литературы, но факт тот, что силы, знания, навыки, необходимые для образования литературы в полном смысле этого слова, литературы как особой области культуры, накапливались постепенно в течение и IX и X веков. Накопление это было незаметным для современников, восточных славян, и для глаз наших исследователей.

Но вот внезапно (подчеркиваю — внезапно) из этого незаметного накопления родилась литература очень высокого уровня — уровня идейного, уровня литературного умения, уровня великолепного литературного языка, как бы сразу достигшего изумительного совершенства.

Литература внезапно поднялась как огромный защитный купол над всей Русской землей, охватила ее всю — от моря и до моря, от Балтийского до Черного, и от Карпат до Волги.

Я имею в виду появление таких произведений, как «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, как «Начальная летопись» с различным кругом произведений, в нее входящих, как «Поучения» Феодосия Печерского, «Поучение» князя Владимира Мономаха, «Жития Бориса и Глеба», «Житие Феодосия Печерского» и т. д.

Весь этот круг произведений знаменуется высоким историческим, политическим и национальным самосознанием, сознанием единства народа, особенно ценным в период, когда в политической жизни уже начиналось дробление Руси по княжествам, когда Русь стала раздираться междоусобными войнами князей. Именно в этот период политического разобщения литература осознает, что князья не в «худой» и не в неведомой стране княжат, и занята вопросом, «откуда пошла» Русская земля; произведения призывают к единению и писаны не в одном центре, а по всему пространству Русской земли — так составляются летописи, проповеди, «Киево-Печерский патерик», так ведется переписка Владимира Мономаха с Олегом Гориславичем, и т. д. и т. п. В литературное творчество удивительно быстро втянуты многочисленные русские города и монастыри: помимо Киева — Новгород Великий, оба города Владимира на разных концах Русской земли — Владимир Волынский и Владимир Суздальский, Ростов, Смоленск и даже маленький Туров. Всюду писатели и особенно летописцы пользуются трудом своих собратьев из самых отдаленных мест восточнославянской равнины, всюду возникает переписка, писатели переезжают из одного княжества в другое.

В пору упадка политического единства и военного ослабления литература заменила собой государство. Отсюда с самого начала и на протяжении всех веков громадная общественная ответственность наших литератур — русской, украинской и белорусской.

Вот почему я употребил выше выражение: литература поднялась над Русью громадным защитным куполом — стала щитом ее единства, щитом нравственным.

Взгляд на русскую историю как на часть мировой и чувство ответственности за весь мир стали также отличительной особенностью всех восточнославянских литератур и отчасти были унаследованы ими через единую литературу Древней Руси от славянских просветителей — Кирилла и Мефодия. Это им принадлежит мысль о

единстве человечества и ответственности каждой страны, каждого народа в общечеловеческом устройении и просвещении, о служении каждой страны человечеству. Для Кирилла и Мефодия это была Болгария, для писателей Древней Руси — Русь.

Благодаря этой особенности «литературного мировоззрения» восточнославянских литератур они всегда были литературами с «открытыми границами». Переводная литература занимала в них такое же место, как и оригинальная. Рукописи из балканских стран ввозились и здесь «смешивались» со своими, переписывались на равных с ними основаниях, составлялись сводные редакции — болгаро-русские, сербо-украинские, молдаво-влахийско-болгаро-русские и т. д. Вместе с тем до очень поздней поры литературы трех братских народов воспринимались и развивались как единая литература. Едиными они были и в глазах их авторов, переписчиков, печатников, и в глазах самих читателей. Характерна в этом отношении деятельность первопечатника Ивана Федорова: перенося свою деятельность из Москвы во Львов, он не был ни перебежчиком, ни изменником — он делал одно дело.

Не случайно на Русь в XIV—XVI веках переезжали сербские и болгарские писатели и чувствовали себя здесь как на родине, защищали общее дело восточного славянства, а в монастырях Афона, Болгарии, Сербии, Молдаво-Влахии работали восточнославянские переписчики и книжники. Книжники из Руси работали и в Будапеште, учились в Кракове.

Мысль о каждом народе как о части всечеловечества дожила до нашего времени и в XIX веке получила яркое выражение в знаменитой речи Достоевского при открытии памятника Пушкину. Достоевский только в силу ограниченности представления своего времени о древнерусской литературе не знал, что приписываемые им Пушкину «чувства-идеи» и необыкновенная восприимчивость Пушкина ко всем явлениям культуры Европы существовали уже в Древней Руси, и существовали в полной мере.

Другая особенность наших восточнославянских литератур, также появившаяся как бы сразу, во всяком случае «повзрослевшая» в течение очень короткого времени, — это их учительный характер.

«Неправду» князей уже в середине XI века разоблачал

летописец Никон, затем летописец Нестор и его преемники, потом составители повестей о княжеских преступлениях (об ослеплении Василька Теремовльского, об убийстве Игоря Ольговича, об убийстве Андрея Боголюбского, о клятвопреступлении Владимирки Галицкого и проч.), далее с призывами к князьям обращались автор «Слова о князях» и автор «Слова о полку Игореве» (в период монголо-татарского завоевания на неправильное поведение князей указывали авторы северо-восточных повестей о событиях Батыевщины и т. д.).

Характерно и чрезвычайно важно, что изобличение неправд идет параллельно с поисками положительных решений. Это не критика ради критики, не дискредитация княжеской, а впоследствии царской власти ради ее дискредитации, а поиски решения вопроса — и об укреплении власти, и о создании справедливого общества. Это особенно характерно для первой половины XVI века, для сочинений Ивана Пересветова, Ермолая-Еразма, Вассиана Патрикеева, Федора Карпова и многих других авторов. Литература становится «вторым государством», она тоже полна государственных забот, и не случайно это понимают и сами князья и цари, когда берутся за перо, — Владимир Мономах, Иван Грозный, Алексей Михайлович, Петр Великий и др.

В этом году исполнилось триста лет со дня сожжения протопопа Аввакума, и хотя он был по официальному приговору сожжен «за великий на царский дом хулы», но на самом деле «хулой» он был озабочен меньше всего, а стремился убедить царя до последнего дня и решить проблемы путем слова и убеждения, путем создания положительной программы, которая виделась ему в возврате к прошлому по целому ряду вопросов.

Новый подъем государственного и исторического, общественного значения литературы наступает с конца XVIII — начала XIX века — в сочинениях Радищева, Новикова, поэтов-декабристов и т. д.

Общественная и национальная миссия литературы в полной мере осознает себя в творчестве Пушкина и Шевченко. Не случайно именно эти два имени стояли на знаменах литературы русской и украинской.

Ни в одной стране мира с самого начала ее возникновения литература не играла такой огромной государственной и общественной роли, как у восточных славян.

И с этим связана характерная черта художественной формы наших литератур. Общественная ответственность ведет за собой ответственность перед словом и своеобразный лаконизм наших литератур. Необычайной лаконичностью отличается и проза Пушкина, и проза Лермонтова, и проза Тургенева. Их романы и повести сравнительно невелики по объему. Все существенное вырезано в них почти что резцом — с ювелирной точностью. Но ведь и кажущаяся многословность Толстого и Достоевского тоже свидетельствует об особой ответственности перед словом. Недаром, знакомясь с черновиками Толстого, мы замечаем, что первоначальный текст был как будто бы глаже: глаже, но не точнее. Во внешне неряшливой и корявой форме сказывалось другое — то, что я бы назвал характерной для всей русской литературы «стыдливостью формы». Писатель заботится прежде всего об истине, о правде и не заботится о красивости сказанного, постоянно нарушает законы жанра, привносит в литературу жанры деловой письменности, изобретает новые жанры или берет жанры «низкой литературы» — рецензии, фельетоны, письма, разного рода документы и т. д. Это в высокой степени свойственно Лескову, Некрасову. Документ говорит читателю больше, чем литература, документу читатель больше доверяет, и вот писатели пишут свои произведения в форме писем, хроник, открытых писем в редакцию, дневников, а то нарушают жанры — объявляют поэму романом в стихах, а роман поэмой. Не важно, как написать, лишь бы правду, лишь бы воздействовать на поведение людей, пробудить в них общественное сознание.

С этим связана всегдашняя конструктивность критики наших литератур: наличие большого и общественно ответственного мировоззрения за всеми критическими выступлениями. С этим связано и единство литературы и критики, литературы и публицистики. История литературы всегда была у нас и историей общественной мысли, всегда включала в себя и историю критики.

Обращаясь к настоящему советских литератур, не найдем ли мы в них все те же черты, присущие всему тысячелетию развития восточнославянских литератур? Разве не для решения важных общественных проблем пишут наши писатели-современники — В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев, писали Ю. Трифонов и Ф. Абрамов,

пишут В. Быков, Ч. Айтматов и многие другие. Все они не только заинтересовывают своими произведениями, восхищают лаконизмом, но и тревожат, будят, заставляют думать, призывают к общественной ответственности. Все эти писатели — наши современники — вышли из школы Аввакума, Радищева, Пушкина, Достоевского, Толстого... А если охватить более широкий круг писателей, то и круг непосредственных учителей окажется гораздо шире — вся наша тысячелетняя литература. Если материалом лучших современных произведений оказывается село и даже появился несправедливый термин «деревенская проза», то ведь круг решаемых проблем отнюдь не сводится к тем, что могут быть интересны лишь деревенским читателям. Если сводить все темы литературных произведений только к их материалу, тогда окажется, что и Достоевский интересен лишь жителям Петербурга и в лучшем случае Старой Руссы, а Аввакум — староверам... Писатели поднимают общие вопросы на частных случаях — это почти закон художественного творчества. Но характернейшей чертой нашей советской литературы, продолжающей традиции шестидесяти лет советской литературы и тысячелетия литератур разных народов нашей страны, из которых многие стали обладать письменностью уже в условиях советской действительности и поэтому следуют по-своему опыту других литератур, необходимо признать большие общественные и мировоззренческие вопросы, поднимаемые всегда с большой душевной болью, страстью и стремлением к лучшему.

Спрашивается: можем ли мы определить точную дату тысячелетия наших братских литератур? Даты юбилеев по большей части условны. Условны даты юбилеев наших исторических городов, многих учреждений. Мне думается, что для тысячелетия наших братских восточнославянских литератур условной даты устанавливать не следует. Литература — это процесс. Возникновение литературы тоже было процессом. Тысячелетие восточнославянских литератур — это процесс. Такой юбилей не может быть отпразднован одним заседанием, открытием одного памятника или созданием произведения. Весь конец XX века есть дата юбилея. От него надо ждать многих совместных конференций, обобщающих трудов и отдельных глубоких исследований.

Нам нужна не дата, а своего рода юбилейные десятилетия. Они будут полезны в мировом и мирных аспектах и раскроют нам многое в наших собственных достижениях.

Вместе с тем тысячелетие литератур будем рассматривать как часть тысячелетия нашей письменной культуры, восходящей к единым корням и распространившейся в виде кириллицы у многих народов Советского Союза.

Нам, людям конца XX века, следует, подводя итоги, определить, чего достигли литературы трех братских народов и как достигли, обратив особенное внимание на все, что свидетельствует в наших литературах о совместном решении общественных и художественных вопросов. Эти итоги должны подводиться вдумчиво, несуетно, неторопливо, путем исследований, совместных конференций писателей и литературоведов трех братских народов.

Нам необходимо осознать самих себя, понять наши пути, а исходя из понятого, наметить пути на будущее. Под прошлым я понимаю и то прошлое, что ушло под сень веков, и то прошлое, что еще живо в нашей собственной памяти, что мы еще не перестали считать настоящим. Итоги прошлого есть всегда и планы на будущее.

Иностранная литература. 1982. № 10.

ПОДВИГ ИВАНА ФЕДОРОВА

Время — лучший судия. Сегодня, четыре столетия после смерти Ивана Федорова, из исторического далека, нам особенно отчетливо видны истинные масштабы деяний «друкаря книг, пред тем невиданных». Да он и сам вырастает в гигантскую фигуру, характерную для эпохи Возрождения, и занимает достойное место в ряду других древнерусских деятелей отечественной культуры, литературы и искусства, таких, как Андрей Рублев, Феофан Грек, Дионисий с сыновьями или автор «Слова о полку Игореве». Иван Федоров — мастер на все руки. Он и типограф, и художник, и редактор, и издатель, и ученый, и писатель, и изобретатель, и организатор. Наконец, он и энциклопедист-просветитель. Словом, не только его деяния, но и личность Ивана Федорова была исключительная, в чем-то, быть может, таинственная. Все говорит о

том, что он был горячий патриот, храбрый и мужественный человек, подвижник печатного слова.

Почему мы называем Ивана Федорова первопечатником? Ведь анонимные печатные издания были на Москве уже и в 1552—1553 годах. Но то, в общем, если можно так сказать, пробные издания.

«Апостол» и другие книги Ивана Федорова выделяются своей светскостью, если не по содержанию, то по назначению. Эти книги — ученые. Они предназначены для индивидуального чтения, для обучения, для справок. Соответственно они были разного оформления, разного формата, разной толщины и разного набора. Федоров ищет, экспериментирует, создает все новые и новые типы книг и новые эталоны для разных книг. В этом он неутомим. Его работа отличается последовательностью и логичностью. Каждому назначению книги Иван Федоров ищет соответствующее наиболее удобное и практичное оформление. При этом утилитарность не господствует: все виды книг имеют и художественное оформление в пределах, гармонирующих с назначением. Кое в чем этому могли бы поучиться и мы. Ведь Иван Федоров вряд ли был обеспечен бумагой лучше, чем мы, но он умел не экономить там, где экономия портила бы книгу, делала бы ее менее удобной или менее красивой.

Знакомясь с «Апостолом» 1564 года, ясно осознаешь,

Иван Федоров

«Апостол», книга И. Федорова (1564 г.)

что Иван Федоров и Петр Мстиславец заботились не о доходах, не о выгодности способа размножения книг, а, не щадя сил, используя огромный опыт русской рукописной книги и некоторых европейских образцовых изданий, стремились создать как бы эталоны книгопечатания.

В этом убеждает и то, что «Апостол» 1564 года в отличие от предшествующих «безвыходных изданий», возможно, той же типографии, был снабжен превосходно написанным послесловием. Самый факт этого послесловия, даже вне зависимости от содержания, свидетельствовал о том, что издатели придавали огромное значение своему детищу именно как образцу, модели, эталону для будущих книг. Они продумали все, чтобы сделать книгу максимально удобной для чтения, для пользования и вместе с тем красивой, но не роскошной, а как бы «усредненной», пригодной для подражания, «типовой».

Интересно отметить, например, что блок текста, расположенный на каждой странице, построен по четкому соотношению: три к двум (21×14 сантиметров) и содержит 25 строк — число, удобное для чтения и совпадающее с размером сегодняшней машинописной страницы. Масштаб шрифта соответствует лучшему зрительному восприятию и учитывает экономию бумаги (в XVI веке в России не было еще очков и поэтому шрифт должен был быть крупным). Длина строки и расстояние между строками очень удобны для перехода глазом со строки на строку. Переход со страницы на страницу для чтения вслух облегчается тем, что в конце страницы даются начальные слоги слова, которое напечатано на следующей за ней странице. Читающий как бы предупреждается, что его ждет на обороте страницы. Характерно и другое: каждая спусковая полоса размещается только на правой, лицевой стороне листка. Деталь эту в полной мере могут оценить только полиграфисты. Она чрезвычайно важна для облика книги. На развороте правая страница всегда наиболее важная: здесь титул, здесь и заглавия разделов.

Удивительно продуман и сам рисунок шрифта. Укажу лишь на такую деталь. У федоровского шрифта нижняя часть несколько больше. Это дает ему некоторую зрительную «устойчивость»: шрифт как бы учитывает силу тяжести. А с другой стороны, этим достигается равновесие по отношению к верхним выносным над строкой буквам и знакам. Красив и очень легкий наклон «полу-

уставного» шрифта по направлению движения чтения — слева направо. Этот наклон художественно логичен, учитывается движение глаз. Такова особенность только федоровских печатных изданий. До него наклон был лишь в рукописях.

Заботой о читателе пронизана и вся организация текста книги. Отысканию нужных текстов помогает система нумерации страниц, колонтитулы, подстрочные и надстрочные ссылки. Первая печатная книга производит впечатление, будто она явилась результатом многовековой типографской практики, замечательной полиграфической культуры и, повторяю, вся пронизана заботой о читателе. До сих пор исследователи ломают голову над таким феноменом: в первопечатной русской книге и в других московских изданиях Ивана Федорова нет ни одной типографской погрешности — в виде плохих ли оттисков, непрочно закрепленных строк или нестойкой типографской краски; нет и ни одной опечатки в собственном смысле этого слова, хотя, как хорошо известно, без них не только в России, но и в Западной Европе не обходилось во все последующие века книгопечатания ни одно издание. Это ли не лучшее доказательство высокой филологической образованности и высокой культуры умственного труда первопечатника?

Многие исследователи изучали и художественное оформление «Апостола» 1564 года. Существует немало статей и о его орнаменте, и о выходной миниатюре, и об их истоках — русских и нерусских. Я хочу сейчас обратить внимание лишь на две особенности федоровского первенца. Одна касается орнамента, другая — выходной миниатюры. В середине XVI века, когда первопечатник приступал к делу своей жизни, русская рукописная и западная печатная книги имели в своем арсенале огромный «запас» разнообразных орнаментов. Но выбор Ивана Федорова пал именно на лиственный орнамент, дающий ощущение выпуклости, объемности. Благодаря этой относительной объемности печатный орнамент оказался не менее нарядным, чем многоцветный рукописный. И замечательно, что орнамент напечатан не красной краской, что было бы естественно для древнерусских книжников, привыкших к цветным украшениям, а черной. Первопечатники почувствовали красоту черной типографской краски.

Другая деталь, свидетельствующая о высоком вкусе Ивана Федорова и Петра Мстиславца, касается выходной миниатюры. До них обычно в древнерусских рукописных книгах авторов изображали сидящими и пишущими свои труды. В печатном «Апостоле» такое изображение «писания» книги Иван Федоров счел неуместным. На миниатюре Лука у него не пишет книгу, а только держит ее в руках, как держат в руках модели храмов на фресках, изображающих древнерусских зодчих. Письменные принадлежности в миниатюре федоровского «Апостола» лежат на столике. Они как бы оставлены — это знак предшествующей работы. А книга в руках не у писца — у печатника! Это тонкость, на которую стоит обратить внимание, она свидетельствует о глубокой продуманности выходной миниатюры.

Другой тип текста и другой тип книги представляют собой два издания «Часовника» 1565 года. Они предназначались для обучения грамоте. Поэтому формат их мал — в восьмую долю листа. Шрифт тот же, что и в «Апостоле» 1564 года, однако вся организация текста проще, ибо и объем меньше, и назначение не такое сложное. Это издание карманное. Очень удобное для пользования. Кстати, здесь уместно заметить: глубоко ошибочно представление некоторых исследователей, что «необходимость» массовой книги в России возникла лишь с эпохи преобразований Петра I. «Часовник» и «Буквари» Ивана Федорова были уже типами массовой и учебной книги. Поиски «лица» подобного рода изданий продолжались Федоровым и на Украине. Особенно интересен в этом плане созданный им библиографический указатель «Собрание вещей нужнейших». К нему примыкает и его «Хронология, составленная Андреем Рымшею».

Почему Иван Федоров и Петр Мстиславец выехали из Москвы и продолжили свою деятельность на Украине? Сообщения иностранца Флетчера о якобы имевшем место бегстве Ивана Федорова и уничтожении его типографии — явная легенда. Просто Иван Федоров, девизом жизни которого являлось «духовные семена... по свету рассеивать», был очень нужен на Украине, разделенной в то время. На Украине надо было поддержать украинскую культуру. И поэтому наиболее вероятно предположение писателя Николая Самвеляна, изложенное им в его повести «Московии таинственный посол»: переезд первопе-

чатника на Украину, каковы бы ни были обстоятельства и трудности в Москве для печатного дела, носил идейный характер. Идейностью была пропитана и вся деятельность Ивана Федорова. Он вообще был человек самоотверженной идейной активности.

Замечательной особенностью работы Ивана Федорова на Украине — в Заблудове, Остроге и Львове — является то, что он всюду в своих послесловиях пишет о себе и называет себя «москвитинном», указывает, что он «из Москвы».

...Вся жизнь Ивана Федорова, насколько мы ее знаем, была сопряжена с титаническим трудом, трудом бескорыстным, беззаветным и самоотверженным. Ничто его не останавливало — ни лишения, ни житейские невзгоды, ни технические и творческие трудности, неизбежные при его новаторских установках. Дело жизни Ивана Федорова было подвигом по цели, по своей жертвенности и по достигнутым результатам. Он весь вдохновлен любовью к своему народу. Иван Федоров не просто создатель книгопечатания — он великий сеятель славянской культуры, создатель русской и украинской печатной книжности, книжной печатной культуры.

Правда. 1983. 14. XII.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ 1942 ГОДА

В блокадную зиму 1942 года вместе с известным уже к тому времени археологом М. А. Тихановой я написал брошюру «Оборона древнерусских городов». Впрочем, эту брошюру можно назвать и маленькой книжкой (в ней была 101 страница). Через месяца два она была набрана слабыми руками наборщиц и отпечатана. Осенью того же года я стал получать на нее отклики прямо с передовой.

В книжке есть смешные ошибки. В заключении я, например, процитировал известные строки Н. Н. Асеева:

Петербург,
Петроград,
Ленинград!
Это слово, как гром и как град,—

но приписал их Маяковскому! Просто не было сил снять с полки книги и проверить. Писалось больше по памяти. Впоследствии я рассказал о своей ошибке Асееву. Николай Николаевич утешил меня словами, что он горд этой ошибкой: ведь смешал я его стихи не с чьими-то — со стихами Маяковского!

И при всей своей наивности в частностях брошюра эта имела для меня большое личное значение. С этого момента мои узкотекстологические занятия древними русскими летописями и историческими повестями приобрели для меня «современное звучание».

В чем состояла тогда современность древней русской литературы? Почему мысль от тяжелых событий ленинградской блокады обращалась к Древней Руси?

8 сентября 1941 года с запада над Ленинградом вошло необычайной красоты облако. Об этом облаке вспоминали и писали затем многие. Оно было интенсивно белого цвета, как-то особенно «круто взбито» и медленно росло до каких-то грандиозных размеров, заполняя собой половину закатного неба. Ленинградцы знали: это разбомблены Бадаевские склады. Белое облако было дымом горящего масла. Ленинград был уже отрезан от остальной страны, и апокалипсическое облако, поднявшееся с запада, означало надвигающийся голод для трехмиллионного города. Гигантские размеры облака, его необычная сияющая белизна сразу заставили сжаться сердца.

Великая Отечественная война потрясала своими неслыханными размерами. Грандиозные атаки с воздуха, с моря и на земле, сотни танков, огромные массы артиллерии, массированные налеты, систематические, минута в минуту начинающиеся обстрелы и бомбежки Ленинграда! Электричество, переставшее действовать, водопровод без воды, сотни остановившихся среди улиц трамваев и троллейбусов; заполнившие воды Невы морские суда — военные, торговые, пассажирские; подводные лодки, всплывшие на Неве и ставшие на стоянку против Пушкинского Дома! Огромный турбоэлектроход, причаливший у Адмиралтейской набережной, с корпусом выше встретивших его старинных петербургских домов.

Поражали не только размеры нападения, но и размеры обороны. Над городом повисли в воздухе десятки невиданных ранее аэростатов заграждения, улицы пере-

городили массивные укрепления, и даже в стенах Пушкинского Дома появились узкие бойницы.

И одновременно со всем этим тысячи голов беспомощно, безумно блявшего и мычавшего скота в пригородах: собственность личная и коллективная сбежавшихся сюда беженцев из ближних и далеких деревень. Казалось, что земля не выдержит, не снесет на себе ни тяжести людей — ни своих, ни подступивших к невидимым стенам города врагов, — ни тяжести человеческого горя и ужаса.

Невидимые стены! Это стены, которыми Ленинград окружил себя за несколько недель. Это была граница твердой решимости — решимости не впустить врага в город. В подмогу этим невидимым стенам вырастали укрепления, которые делали женщины, старики, инвалиды, оставшиеся в Ленинграде. Слабые, они копали, носили, черпали, укладывали и иногда уходили в сторону, чтобы срезать оставшиеся на огородах капустные кочерыжки, а затем сварить их и заставить работать слабевшие руки.

И думалось: как можно будет описать все это, как рассказать об этом, чьи слова раскроют размеры бедствия?

А город был необычайно красив в эту сухую и ясную осень. Как-то особенно четко выделялись на ампирных фронтонах и арках атрибуты славы и воинской чести. Простирал руку над работавшими по его укрытию бронзовый всадник — Петр. Навстречу шедшим через Кировский мост войскам поднимал меч для приветствия быстрый бог войны — Суворов. Меч в его руках — не то римский, не то древнерусский — требовал сражений.

И вдруг в жизнь стали входить древнерусские слова: рвы, валы, надолбы. Таких сооружений не было в первую мировую войну, но этим всем оборонялись древнерусские города. Появилось, как и во времена обороны от интервентов начала XVII века, народное ополчение. Было что-то, что заставляло бойцов осознавать свои связи с русской историей. Кто не знает о знаменитом письме защитников Ханко? Письме, которое и по форме и по содержанию как бы продолжало традицию знаменитого письма запорожцев турецкому султану.

И тогда вспомнились рассказы летописей:

«Воевода татарский Менгухан пришел посмотреть на

*«Защитникам отечества посвящается».
Картина С. И. Никифорова*

город Киев. Стал на той стороне Днепра. Увидев город, дивился красоте его и величию его и прислал послов своих к князю Михаилу и к гражданам, желая обмануть их, но они не послушали его...»

«В лето 1240 пришел Батый к Киеву в силе тяжелой со многим множеством силы своей и окружил город и обнес его частоколом, и был город в стеснении великом. И был Батый у города, и воины его окружили город, и ничего не было слышно от гласа скрипения множества телег его, и от ревения верблюдов его, и от ржания табунов его, и была полна земля Русская ратными людьми».

«Киевляне же взяли в плен татарина по имени Тов-

рул. Братья его были сильные воеводы, и он рассказал обо всей силе их».

«Батый поставил пороки подле города у Лядских ворот, где овраги. Пороки беспрестанно били день и ночь и пробили стены. И взошли горожане на стену, и тут было видно, как ломались копья и разбивались щиты, а стрелы омрачили свет побежденным».

«Когда же воевода Дмитр был ранен, татары взошли на стены и заняли их в тот день и в ту ночь. Горожане же воздвигли другие стены вокруг церкви святой Богородицы Десятинной. Наутро же пришли на них татары, и был между ними великий бой».

Даже небольшие рассказы летописи поражают своим чувством пространства и размеров описываемого. Даже рассказы об отдельных событиях кажутся выбитыми на камне или написанными четким уставом на прочнейшем пергаменте. В Древней Руси были масштабность и монументальность. Они были свойственны не только самим событиям, но и их изображению.

В древних русских летописях, в воинских повестях, во всей древней русской литературе была та монументальность, та строгая краткость слога, которая диктовалась сознанием значительности происходящего. Не случайно нашествие монголо-татар сравнивалось в летописях с событиями библейскими. Этим самым по-своему, по-средневековому, давалось понять о значении событий, об их мировом размахе. Популярное в Древней Руси «Откровение Мефодия Патарского о последних днях мира» давало масштабность изображению. Летопись рассказывает о нашествии монголо-татар:

«Пришла неслыханная рать, безбожные моавитяне... их же никто ясно не знает, кто они и откуда пришли, и каков язык их, и какого племени они, и что за вера их... Некоторые говорят, что это те народы, о которых Мефодий, епископ Патарский, свидетельствует, что они вышли из пустыни Етревской, находящейся между востоком и севером. Ибо так говорит Мефодий: к скончанию времен явятся те, кого загнал Гедеон, и пленят всю землю от востока до Евфрата и от Тигра до Понтийского моря, кроме Эфиопии. Бог один знает их. Но мы здесь вписали о них, памяти ради о русских князьях и о бедах, которые были им от них».

Враги приходят «из невести», из неизвестности, о них

никто раньше не слышал. Этим подчеркивается их темная сила, их космически злое начало. Тою же монументальностью отличаются и повествования об отдельных людях: о Данииле Галицком, черниговском князе Михаиле и боярине его Федоре, об Александре Невском. Их жизнь — сама по себе часть мировой истории. Они, как библейские герои, сознают значительность происходящего, действуют как лица истории, как лица, чья жизнь — часть истории Руси. Их мужество — не только свойство их психологии, но и свойство их осознания важности и значительности всего ими совершаемого.

Размеры событий, значение поступков, черты эпохи осознаются только в исторической перспективе. К героизму зовут не только чувства, но и ум, сознание важности своего дела, сознание ответственности перед историей и всем народом. Так важно было осознавать себя частью целого — и в пространственном, и во временном смысле!

Понять те 900 дней обороны Ленинграда можно было только в масштабе всей тысячелетней истории России. Рассказы летописей как бы определяли размеры ленинградских событий. И мне стало ясно, что напомнить историю осад древнерусских городов остро необходимо. Это было ясно и М. А. Тихановой. Вот почему, работая над нашей книгой в разных концах города, не связываясь друг с другом даже по телефону или письмами, ибо ни телефон, ни почта не работали, мы все же писали так, что и теперь трудно нам сказать, кто из нас писал какую главу.

Было бы односторонним определять героический характер древней русской культуры, ограничиваясь только ее монументализмом. В русской культуре в целом есть удивительное сочетание монументальности с мягкой женственностью.

Монументальность принято обычно сближать с эпичностью. Эпичность действительно свойственна древнерусской литературе и искусству, но одновременно им свойственна и глубокая лиричность.

Женственная лиричность и нежность всегда вплетаются во все оборонные темы древнерусской литературы. В моменты наивысшей опасности и горя вдруг неожиданно и поразительно красиво начинает слышаться голос женщины.

Плач Ярославны. Гравюра В. Фаворского

С наступающими врагами сражаются не только воины — борется народ. И как последняя подмога приходят женщины. Именно они строят вторые стены позади разрушенных, как это было в Киеве во время нашествия Батыя или в Пскове при нашествии Стефана Батория. Именно они выхаживают раненых, уносят и погребают тела убитых. И именно они осмыслиют в своих плачах случившееся.

Русские женские плачи — необыкновенное явление. Они не только изъявление чувств, они — осмысление совершившегося. Плач — это отчасти и похвала, слава погибшим. Плачи проникновенно понимают государственные тревоги и самопожертвование родных, значение событий. В них редки упреки. Плачи по умершим — в какой-то мере ободрение живым.

Не случайно и в «Слове о полку Игореве» в момент тягчайшего поражения, когда Игорь пленен, на стены Путивля всходит Ярославна и плачет не только по Игорю, но и по его воинам, собирается полететь по Дунаю, утереть кровавые раны Игоря.

Русские плачи — это как бы обобщение происшедшего, его оценка.

Вот почему и летопись, выполненная по заказу ростовской княгини Марии в XIII веке после монголо-татарского нашествия, тоже может быть отнесена к огромному плачу не в жанровом отношении, но по

Дмитрий Донской, Сергей Радонежский. Картина С. И. Никифорова

существо. Это своего рода плач-некролог: по ее отцу Михаиле Черниговском, замученном в Орде, по ее муже Васильке Ростовском, мужественно отказавшемся подчиниться врагам, по князе Дмитрие Ярославиче и по многим другим.

Так было и в Ленинграде. Мужество вселялось сознанием значительности происходящего и пониманием живой связи с русской историей. Мужество проявляли женщины Ленинграда, строившие укрепления, носившие воду из прорубей на Неве и просто стоявшие ночами в очередях в ожидании хлеба для своей семьи. Женщины же зашивали в простыни умерших, когда не стало гробов, ухаживали за ранеными в госпиталях, плакали за своих мужей и братьев и по ним.

И как значительно в этом национально-историческом плане, что осада Ленинграда раньше всего нашла свое отражение в плачах-стихах женщин — Ольги Берггольц, Анны Ахматовой и Веры Инбер.

Надписи Ольги Берггольц выбиты на тяжелых камнях Пискаревского кладбища. Ольга Берггольц вернула литературе камни как материал для письма. Ее голос множество раз звучал в эфире и слышался по всей стране...

Звучал в эфире голос Веры Инбер и однажды — Анны Ахматовой, читавшей свое стихотворение «Мужество»:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет...

Тысячелетняя русская литература сумела воплотить в своих многочисленных произведениях иноземные нашествия, неслыханные осады, страшные поражения, обернувшиеся конечными победами — победами духа, победами мужества — мужества, присущего не только мужчинам, но в час жесточайших испытаний и женщинам...

Поразительно, как национальные традиции связывают литературу поверх всех столетий в единое, прочное целое.

Звезда. 1975. № 1.

БОЛЬ ОТЕЧЕСТВА

Мы возмущаемся тем, что произошло с нашими городами, с нашими историческими памятниками. Но возмущаемся мы как-то кустарно. Нужно начать научное изучение потерь, поднять архивы, выяснить, что произошло. Как это происходило? Кто уничтожал культуру народа? Это научная задача, а не публицистическая. И происходить это должно спокойно, без истерики. Факты должны сами воздействовать своей непреложной объективностью.

Вот хотелось бы на основе архивных разысканий знать, куда девались наши тысячелетние богатства, в том числе и церковные. Они были изъяты, но какова их судьба? Ведь среди них не только золото, серебро и драгоценные камни, были же вещи, важные для истории русского искусства. Они как будто бы передавались в государственные музеи. Но на самом деле оказывается, что многое ушло за границу. Скажем, серебряный иконостас Казанского собора Петрограда. Подаренный атаманом Платовым, он был отлит из отбитого у французов серебра.

А куда исчезли императорские ценности из Петропавловского собора? Где вещи из раскрытых могил царской фамилии?

Начавшись году в двадцатом, утечка национальных сокровищ продолжается до сих пор. Это можно с уверенностью сказать, потому что и сегодня что-то мелькает на международных аукционах.

Каким образом, скажем, Филонов попал в Центр Помпиду?

Сам Филонов голодал, но считал, что ничего не должно уходить из страны. Он ел черный хлеб с клюквой и пил один чай, но ничего не продал из работ. Потому что он не продал души художника, мечтал о музее аналитического искусства.

Потом за его полотнами строго следили сестры художника. Бесплатно передали картины брата в Русский музей. Не пожертвовали — передали на хранение. И вдруг оказывается, что полотна Филонова на Западе, и нас уверяют, что виноваты сестры. А я знаю, что и в блокаду они голодали, но ничего не продали.

Меня также интересует деятельность «Международной книги». Она торговала книгами из разных библиотек, усадебных и государственных. Мне было бы важно знать, за какую цену из Публичной библиотеки Ленинграда ушел «Синайский кодекс», древнейший кодекс Библии. Сейчас он находится в Британском музее. Где переписанный в XIV веке митрополитом Алексеем Новый Завет? Где многое другое?

Мы сейчас заняты судьбой отдельных людей, но кто займется установлением судьбы культурных шедевров?

Вершиной распродаж были распродажи Эрмитажного собрания, а основание этого страшного айсберга огромно, оно коснулось всех усадеб России, всех собраний всей страны.

Говорят, что из Эрмитажа Рафаэль не продавался. Это значит, что рафаэлевские «Георгий Победоносец» и «Мадонна Альба» проведены по спискам Зимнего дворца. Когда-то самое большое собрание Рембрандта было в Эрмитаже. А что сейчас? Где Ван Дейк, Веласкес, Тициан, Фрагонар, Буше и т.д. и т.д.?

Что-то продавали, что-то широким жестом дарили.

«Московский дворик» Поленова, один из авторских вариантов, был подарен французскому музею «Комеди Франсез». Они восхитились картиной, а вернувшись в гостиницу, нашли ее в номере. (Мне это рассказывали французы.)

Скажут, что мы не только продавали, но и покупали. Но что мы продали и что купили? Меншикова Растрелли? Не мало ли?

В 30-е годы мировой рынок художественных ценностей был перенасыщен нашими картинами, и цены на великую живопись резко упали в Соединенных Штатах, Франции, Англии, даже в Португалии.

Сейчас Эрмитаж — крупнейший музей мира. Но ведь это произошло за счет упразднения других отечественных собраний, за счет передачи в Эрмитаж многих картин, часто второстепенных.

«Первым рядом» торговали, «третий» было невыгодно продавать, вот и ломаются запасники.

Мировой рынок переполнен Фаберже, у нас же его изделий почти не осталось.

Министерство культуры СССР и сегодня дает разрешение на продажу художественного наследия прошлого. Этой весной в финской гостинице «Интерконтиненталь», в ларьке, я видел прекрасные русские иконы XVII и XVIII веков с удостоверениями нашего Министерства культуры. Значит, распродажа продолжается. И нас уверяют, что это «ненужные» вещи!

В 30-е годы появилась такая концепция: мол, раньше музеи были хранилищами коллекций, а у наших музеев педагогический уклон, в них представлено все, но со строгим отбором. Концепция и была создана для оправдания распродаж. (Кстати, Веласкес ушел просто целиком.) Для будущего культуры это оказалось ударом. Ведь музеи создавали, воспроизводили культуру. Это же училища живописи, как библиотеки — те же университеты.

Мы можем лишиться университетов, но если останутся музеи и библиотеки, культура и искусство не исчезнут.

Меж тем годы, когда библиотекам не отпускалось необходимого, начинают сказываться. Там пожар, тут разрывает отопительные трубы, повсеместно — грабеж среди бела дня. Гибель и запустение.

Почему библиотека Института мировой литературы, великолепная библиотека, столько лет гниет по подвалам и недоступна для исследователей? Ведь это же удар по нашему литературоведению!

«Память» и прочие экстремисты списывают все беды на инородцев и иноверцев. Логика знакомая: все виноват

ты, кроме нас самих! Так вот, чтобы нелепость эта не проходила, необходимо установить все факты ущерба национальной культуре. И сказать, кто виноват. А виновата система, режим, целые учреждения. Что, конечно, не снимает личной ответственности. «Память» будет тлеть в обществе, пока нет достаточного уровня гласности. Гласность — это отсутствие секретности. А его еще нет.

И когда валят на инородцев, мне мерещится тень Сталина, тень сталинизма. Сталинский план переселения народов и шельмования целых национальностей. Сталинский страх и подозрительность. Сталинский поиск вредителей и врагов народа. Целые народы были «врагами народа». Это мышление с 30-х годов навязывалось стране, воспитывалось десятилетиями. И сейчас прорастает, грозит принести те же кровавые плоды.

Вот почему так необходимо точно знать, что и когда уничтожено, продано, загублено. И кем это сделано.

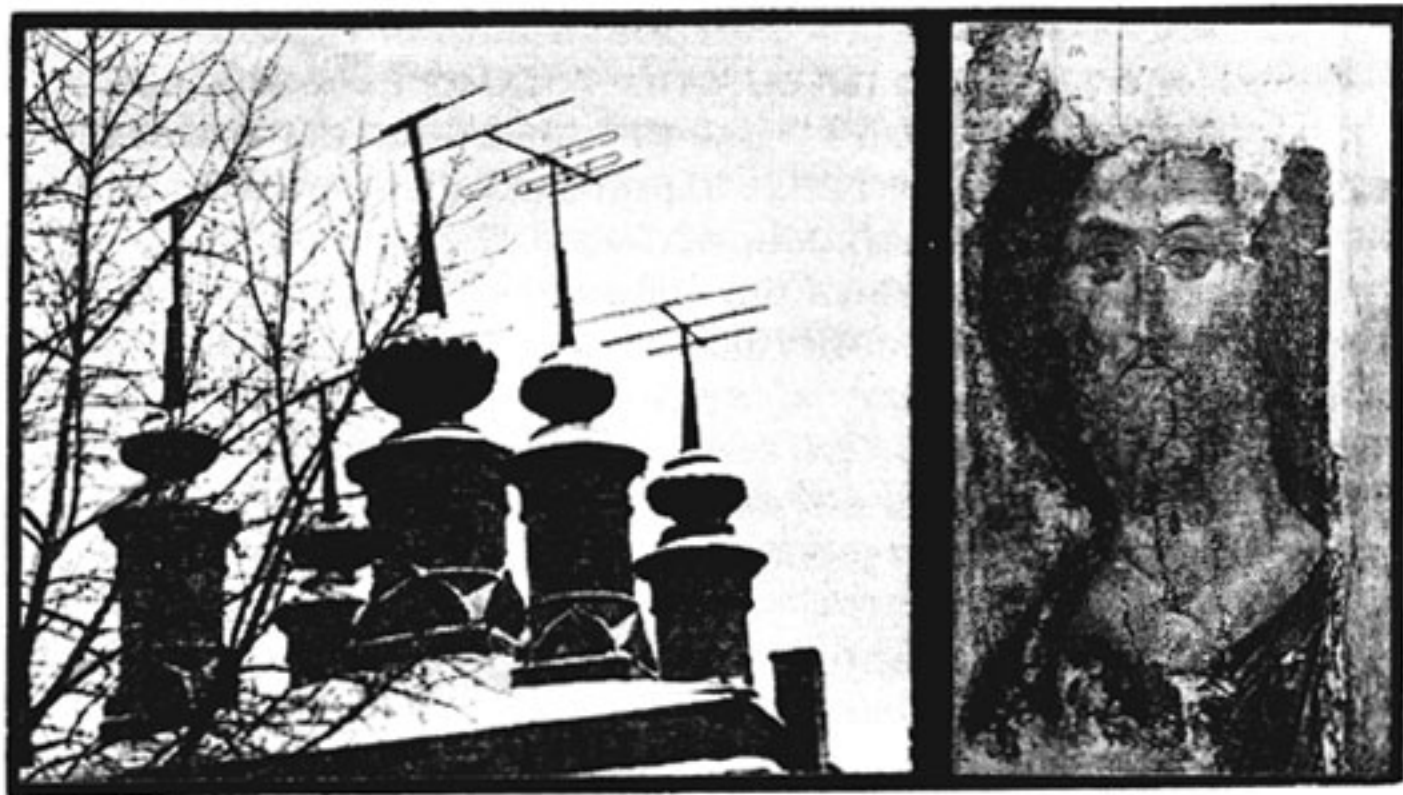
Все это впрямую относится к новейшей истории двух великих в истории русской культуры городов — Пскова и Новгорода.

Великих и древних. Псков — это родина княгини Ольги, которая и крестилась-то много раньше своего внука Владимира. Село, где родилась Ольга, псковское село Выгуды, существовало до самого последнего времени. Пишу в прошедшем времени, потому что не знаю, существует ли оно сейчас, оказалось ли оно «перспективным». В последние годы исчезли многие исторические села и населенные пункты. Погибла и память о них.

В Швеции или Норвегии известна история каждого села, есть книги по истории деревень. И каждый житель гордится своим селом, потому что знает его историю. У нас на рубеже 30-х краеведение было объявлено буржуазной националистической наукой. А краеведы были арестованы. И до сих пор краеведение на должном уровне не возобновлено. Возродить его — одна из задач нашего Фонда культуры.

Одна из самых красивых псковских церквей — Сергей с Залужья. Она всемирно известна, великолепное ее воспроизведение было в «Истории русского искусства» Игоря Грабаря.

Сначала ее приказали снести, но снос был приостановлен, хотя главку успели-таки порушить. Не снесли, но застроили многоэтажными домами и даже гаражами.

Обезображенные купола

Спас из «Деисуса».
XV в. Андрей Рублев

Мы с Вениамином Каверинным протестовали, добились того, чтобы гаражи убрали. Но и только.

Кинотеатр «Октябрь» в Пскове построили так, чтобы он отвлекал старушек, идущих в церковь Троицы. Этаким громоотвод от религиозного дурмана. Так начальство понимало исключительную важность киноискусства.

При строительстве погибли бесценные, не исследованные никем пласты культурного слоя, а в них — псковские древние водоотводы. Сегодня кинотеатр «Октябрь» проседает. Планируется его снести.

Но, когда он проектировался и строился, в 50-е, Псков был еще красив, он еще был старым Псковом. А потом его застроили.

Застройка Пскова равнялась его уничтожению. Потому что, если городской чиновник снесет древний храм, ему никто слова не скажет сверху, а если он сроет стоящее на балансе панельное «человекохранилище» десятилетней давности, его будут судить.

Красоту Пскова убили панельной застройкой. Она велась даже на берегу реки Великой, даже на площади перед Кремлем.

Застройка сводила на нет все усилия реставраторов. Они восстановят, а восстановленное обнесут пятиэтажками, как забором.

Вообще современная застройка наших городов — это унылое однообразие гигантских трехмерных заборов.

Псков и Новгород — культурные центры древнерусской вечевой демократии. Там начиналось русское Возрождение. Оно не развилось, потому что республики были раздавлены Москвой. Оно дало лишь первые побеги, которые мы видим в собственно возрожденческих приемах живописи, в интересе к индивидуальности человека и теме материнства. Шел этот процесс и в Центральной России (вспомним Феофана Грека и Рублева!), но все-таки основными центрами Предвозрождения были Псков и Новгород.

Сегодня в Новгороде климат определяется химическим комбинатом: воздух в городе пропитан такой дрянью, что на глазах разрушаются новгородские фрески и иконы. А между тем Новгород с его музеями — третий по величине центр древнерусского искусства в стране. Третьяковка. Русский музей. И потом — новгородские собрания.

Даже древний известняк, строительный новгородский камень, не выдерживает ядовитых испарений. Крошится.

Известняк — материал нежный и хрупкий. В древности его штукатурили и белили. На новгородских иконах мы видим храмы — светло-голубые, светло-розовые. Теперь делаются попытки оставить известняк без штукатурки и побелки. Одна из них — Петр и Павел на Софийской стороне. Но это все равно что человек со снятой кожей.

И в Новгороде лучшие храмы застроены.

Сохранение памятников идет главным образом в пределах исторического ядра города. А нужно сохранять весь город целиком. Более того, Новгород не может быть отделен от своих окрестностей, он естественно переходит в Красное (красивое!) поле. Поле это действительно ценили за красоту. И по его горизонту высились церкви. На одном берегу Волхова — Юрьев монастырь, на другом — Рюриково городище и Нередица, затем шел Кириллов монастырь, Андрей на Ситке, Ковалево, Волоотово, Хутынъ.

Я видел все это еще перед войной.

С принятием христианства Киев стал соперником Константинополя и началось на Руси строительство Софийских храмов.

Люди верили, что Русь находится под покровительством Божьей Матери. А София — это объединение Премудрости Божьей и Богоматери в одном лице.

Новгородская София в отличие от киевской не подвергалась решительной перестройке. Потому-то она ценна особенно. Это она хранит на своих стенах и сводах ранние фрески, росписи, глаголические надписи и граффити.

По преданию, записанному в Новгородской третьей летописи, этот город стоит до тех пор, пока Вседержитель в куполе удерживает в деснице его судьбу. Снаружи центральный купол был густо позолочен, в нем, как в зеркале, отражались облака.

Немцы выпустили первый же снаряд по куполу Софии. Но вопреки пророчеству город еще стоит. Хотя и гибнет, задыхается от застройки и химкомбината.

Построили пешеходный мост через Волхов — нанесли удар по образу города. Что для Новгорода Волхов? Центральная улица, поскольку сам город был портом четырех морей. По Волхову шли ладьи с товарами, и Новгород ставился лицом к Волхову. И вдруг мы возводим громадный театр, обращенный к Волхову задом.

Это все равно что вывернуть город наизнанку!

Как можно настолько не задумываться о красоте и историческом укладе?

Планировали-то свои!

Меня уверяли, что на содержание этого театра в год мы тратим чуть не полмиллиона. Театра, в который не ходят или почти не ходят зрители. Театра, стоящего задом к культуре, выстроенного не по размерам города.

Сейчас зрителю прежде всего нужны маленькие залы, ведь в современных пьесах не участвуют танки и конница. С кинематографом и телевидением могут конкурировать только маленькие театры: в Европе и во всем мире сейчас их расцвет. Лишь в таких условиях возможен контакт зрителя с актером.

В новой рубрике «Огонька» я хотел бы увидеть не только красивые снимки древнерусских городов, но и то, в частности, как нельзя эти города застраивать. Нельзя застраивать новгородское Красное поле, нельзя тянуть город к Юрьеву монастырю. Тем более стандартными зданиями.

Новгород был необыкновенно красив перед войной:

невысокие деревянные дома, окруженные садами, тысяч пятьдесят жителей. После войны было решено, что в Новгороде будет только электрическая промышленность. Ни о какой другой (химической и прочей) не было и речи. Значит, и при Сталине понимали, что такое этот город. А потом понимать перестали.

Сейчас в правительстве решается вопрос о возрождении Пскова и Новгорода, о приведении их в порядок. На это будут отпущены большие деньги. Но есть опасность, что получится, как с Суздалем: развитие туризма превратит древнерусские города в «валютные». Значит, нужно сначала возродить города для жизни (причем не только их исторические центры, а целиком) и лишь потом строить отели для иностранцев.

И хорошо, что будут приглашены специалисты-реставраторы из Болгарии и Польши. У них большой опыт. Но принципиальные вопросы все-таки должны решаться нашими специалистами, потому что реставрация — искусство национальное, и Псков с Новгородом не должны походить на Софию или Познань.

Драма нашего реставрационного дела — в разделении, в отделении и отлучении реставрационного труда от реставрационного проектирования. Одни рисуют, другие исполняют. Исключения сегодняшняя реставрационная практика почти не знает, разве что опыт гатчинского реставратора Александра Александровича Семочкина, восстановившего своими руками комплекс Вырской почтовой станции.

Реставратор перестал быть строителем, плотником и каменщиком. Тот, кто проектирует, получает большую зарплату. Тот, кто возрождает, воплощает проект, — мизерную. Так умирают древние ремесла, потому что никто не хочет идти в каменщики и плотники за эти деньги. Нельзя плотнику-реставратору платить, как строителю панельного дома, а тем паче меньше строителя.

Такое «разделение труда» произошло лет двадцать пять назад и погубило профессию реставратора, погубило народные ремесла. И тут же сделало реставрацию дорогостоящим делом!

Мне об этом рассказал псковский реставратор Б. С. Скобельцын. Когда-то он говорил плотнику: «Надо поставить крышу. По проекту мы хотим сделать вот так». Тот соглашается: «Хорошо, сделаю. Сколько будет

стоять?» — «Ну 600 рублей». Плотник берется со своими молодцами и делает. А Скобельцын ему: «А как бы ты сделал для себя?» «А для себя я бы тут и тут сделал бы вот так...» И делали!

Мне рассказывали, что в Новгороде недавно списали одних лишь реставрационных проектов, неосуществленных и морально устаревших, на три миллиона рублей... То же и в Ленинграде.

Интересно, долго ли это будет продолжаться?

Я говорил об этом в правительстве, со мной согласились. А как это выйдет на практике?..

И еще о памятнике в честь освобождения Новгорода. Это безобразное сооружение возмущает и новгородцев, и приезжих. Этот нелепый памятник поставлен на Софийской стороне: всадник, скачущий в сторону Торговой стороны и буквально ломающий ноги коня о свастику.

Для справки: освобождение города пришло как раз с Торговой стороны. Значит, всадник летит навстречу советским войскам. Кстати, в тех местах действовала только фашистская конница, она стояла как раз в Юрьевом монастыре. У наших конницы под Новгородом не было. Весь памятник — как увеличенный оловянный солдатик. Уровень художественный — самый примитивный.

Сейчас время стремительно меняется и ставит перед нами очень сложные задачи. Возродить культуру народа можно, только оценив утраченное. Повторю, это насущная задача дня — изучить и восстановить историю утрат: распродаж и разрушений.

И, наконец, еще одно и очень важное: необходимо изучать «образ города», его индивидуальность. Только после того составлять планы реставраций. И новые районы должны создаваться в гармонии с историческими.

Огонек. 1988. № 34.

РУССКИЙ СЕВЕР

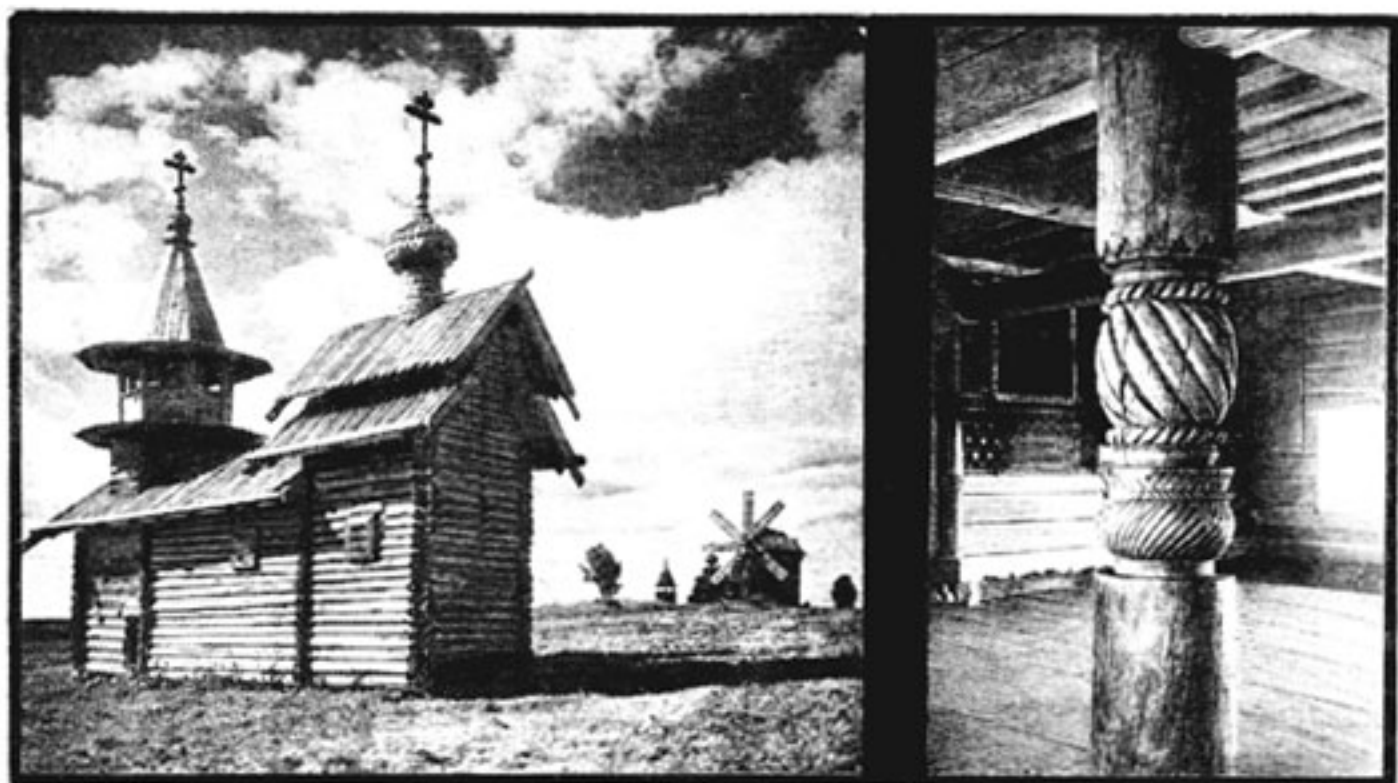
Русский Север! Мне трудно выразить словами мое восхищение, мое преклонение перед этим краем. Когда впервые мальчиком тринадцати лет я проехал по Баренцеву и Белому морям, по Северной Двине, побывал у поморов, в крестьянских избах, послушал песни и сказки, посмотрел на этих необыкновенно красивых людей, дер-

жавшихся просто и с достоинством, я был совершенно ошеломлен. Мне показалось — только так и можно жить по-настоящему: размеренно и легко, трудясь и получая от этого труда столько удовлетворения. В каком крепко слаженном карбасе мне довелось плыть («идти», сказали бы поморы), каким волшебным мне показалось рыболовство, охота. А какой необыкновенный язык, песни, рассказы! А ведь я был совсем еще мальчиком, и пребывание на Севере было совсем коротким — всего месяц, — месяц летний, дни длинные, закаты сразу переходили в восходы, краски менялись на воде и в небе каждые пять минут, но волшебство оставалось все тем же. И вот сейчас, спустя шестьдесят лет, я готов поклясться, что лучшего края я не видел. Я зачарован им до конца моих дней.

Почему же? В Русском Севере удивительнейшее сочетание настоящего и прошлого, современности и истории (и какой истории — русской! — самой значительной, самой трагической в прошлом и самой «философской»), человека и природы, акварельной лиричности воды, земли, неба, грозной силы камня, бурь, холода снега и воздуха.

О Русском Севере много пишут наши писатели-северяне. Но ведь они северяне, многие из них вышли из деревни («вышли», но в какой-то мере и остались) — им

Архитектура Севера

стеснительно писать о своем. Им самим иногда кажется, что, похвалили они свое, и это будет воспринято как бахвальство. Но я родился в Петербурге и всю жизнь прожил только в этих трех городах: Петербурге, Петрограде, Ленинграде, может быть, еще и в Питере — это особый, рабочий город, выделившийся из Петербурга. Мне-то писать о моей бесконечной любви к Русскому Северу вовсе не стеснительно...

Но самое главное, чем Север не может не тронуть сердце каждого русского человека, — это тем, что он самый русский. Он не только душевно русский, он русский тем, что сыграл выдающуюся роль в русской культуре. Он не только спасал Россию в самые тяжкие времена русской истории — в эпоху польско-шведской интервенции, в эпоху первой Отечественной войны и Великой, он спас нам от забвения русские былины, русские старинные обычаи, русскую деревянную архитектуру, русскую музыкальную культуру, русскую великую лирическую стихию — песенную, словесную, русские трудовые традиции — крестьянские, ремесленные, мореходные, рыболовецкие. Отсюда вышли замечательные русские землепроходцы и путешественники, полярники и беспримерные по стойкости воины.

Да разве расскажешь обо всем, чем богат и славен наш Север, чем он нам дорог и почему мы его должны

Жизнь Севера

хранить как зеницу ока, не допуская ни массовых переселений, ни утрат трудовых традиций, ни опустения деревень. Сюда ездят и будут ездить, чтобы испытать на себе нравственную целительную силу Севера, как в Италию, чтобы испытать целительную силу европейского Юга.

Предисловие к книге К. П. Гемп «Сказ о Беломорье».
Архангельск. 1983.

О НОВГОРОДЕ

Новгород и Киев — два равноправных центра Восточнославянского государства **Русь**. Вокруг них объединялись все восточнославянские племена, от которых пошли будущие русские, украинцы и белорусы.

Из этих двух святынь Руси лучше всего сохранился Новгород. В Новгороде наибольшее число и наилучшего качества памятники древнерусского искусства и письменности.

Третье в мире по качеству собрание древнерусской живописи (иконы) — в Новгородском музее. Наибольшее количество фресок в Новгороде (церковь Спаса на Ильине с фресками XIV века Феофана Грека, фрески XIV века Федора Стратилата, Антониева монастыря, Софийского

Новгород

собора XI века и т.д.). Здесь сохранился Кремль, полностью — земляной вал, поразительный Георгиевский собор в Юрьеве монастыре, Собор Антониева монастыря — оба начала XII века. Николодворищенский собор начала XII века со знаменитой фреской Иова на гноище, с величайшим трудом собранные из осколков фрески Спаса на Ковалеве. Можно смело сказать, что ни один город в РСФСР не имеет по числу и по высокой ценности такие сокровища, как Новгород.

Восстановление новгородских памятников в условиях колоссального напряжения началось еще тогда, когда война не закончилась.

Музейные ценности были спасены (эвакуированы) в тяжелейших условиях.

Подвергать все сохранившееся в Новгороде опасности если не уничтожения, то хотя бы порчи — преступление перед теми бойцами Советской Армии, которые умирали под Новгородом, но не стреляли по его памятникам, где были у врагов наблюдательные вышки, множество погибло при штурме Юрьева монастыря, но не разрушили Георгиевского собора, где под крышей засели немецкие корректировщики артиллерийского огня.

Прошлое — будущему. Л. 1985.

ПИСЬМО О ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМАХ

Глубокоуважаемый Дюла Свак!

Мне очень жаль, что наш разговор о Петре Первом в фойе Будапештского форума культуры нам не удалось довести до конца: меня звали звонки на заседание. Вопрос о том, была ли деятельность Петра I прогрессивной или губительной для русской культуры, чрезвычайно запутан в литературе и общественной мысли XVIII—XX веков, но запутан он вовсе не безнадежно. В коротком ответе на Ваше письмо по этому поводу моим мыслям будет тесно для мотивированного изложения своих взглядов, но подвести все-таки некоторые основания под будущие ответы возможно.

Прежде всего вопрос должен быть поставлен так: совершил ли Петр I некий переворот в общих тенденциях

русской культуры или деяния Петра I шли в общем русле ее развития? Я стою на последней точке зрения. Петр продолжил и ускорил то, что было заложено в русской культуре. Европеизация России началась со Смутного времени, и Россия всегда была связана с другими странами: Скандинавией, Византией, западнославянскими странами, южнославянскими странами и пр. Петру не пришлось «прорубать окно» в Европу. Он открыл широкие двери главным образом на северо-запад Европы. Но и здесь он не произвел «открытия». Интерес к Англии начался еще в XVI веке, интерес к Голландии был широк еще при Алексее Михайловиче. Первоначально Петр I вводил в России венгерское платье, но и это не новшество. Интерес к Венгрии существовал на Руси уже в XI—XII веках.

Идея «просвещенной монархии», «царя-труженика» была изложена еще до Петра в стихах Симеона Полоцкого — учителя детей отца Петра Алексея Михайловича.

Петр сменил в России всю знаковую систему (символы, эмблемы, гербы, знамена), познакомил с идеями басен Эзопа, перенес столицу поближе к естественным путям в прибалтийские страны и пр. Но уже в XVII веке эта смена «знаковой системы» была глубоко подготовлена в России.

Второй Ваш вопрос: не слишком ли дорогую цену заплатил народ за все «благоддеяния» Петра? Да, слишком дорогую. Не говоря уже о многом другом, Петр устлал трупами болота, на которых строился Петербург. Можно было бы, не так торопясь, прийти к таким же результатам несколько медленнее — растянув реформы на весь XVIII век. Но это мы рассуждаем с современной точки зрения, — мы, умудренные большим историческим опытом. А реально, если бы и не было «торопливого» Петра, то легко возникли бы другие исторические деятели, только менее талантливые и менее способные к государственному творчеству. Дело в том, что деспотизм — одна из отрицательных сторон любой «просвещенной монархии». «Просвещенная монархия» не просто стремилась осуществить счастье народа, она навязывала это счастье часто насильственными способами. «Король-Солнце» Людовик XIV тоже не был ягненком. Да это было бы и невозможно в системе «идеологического госу-

дарства», какой представлялась Франция при Людовике XIV. Можно было бы привести и другие примеры.

Петру удалось провести сближение России с северо-западной Европой, сближение, которое было неизбежным и зародилось ранее. На Западе в эпоху Петра существовало два стиля — классицизм и барокко. В России со второй половины XVII века господствовало только барокко, которое приобрело формы, позволившие барокко стать заменителем Ренессанса. Барокко было типичным не только для искусств, но для характера науки, мышления, поведения человека и т. д. Петр был типичным его представителем. Петр — «человек барокко» со всеми его противоречиями, контрастами, темпераментом, загадочностью и т. д.

Обвинять в чем-либо Петра нельзя. Его следует понимать, как следует понимать его эпоху и нужды, перед которыми очутилась Россия на грани столетий.

Можно ли считать Петра типичным для русской истории? Только в той мере, что в огромной России все реформы, все исторические перемены требовали больших усилий и совершались с большим трудом и большими жертвами.

С уважением

Ваш Д. Лихачев

* * *

Кто были деятели Петровской эпохи? Да все люди, родившиеся в Московской Руси. Разве этого недостаточно, чтобы понять органичность у нас явления Петра?

Кто были нашими учителями? Одни голландцы? Нет, Петр учился во многих странах и у многих учителей. Из них первым был швейцарец. Разве этого недостаточно, чтобы понять самостоятельность Петра?

Наш алфавит называют «кириллицей». Да, письменность наша восходит к делу Кирилла и Мефодия. Но алфавит, который в ходу у нас и у болгар, по составу букв и по их начертаниям создан и указан к употреблению Петром. И мы должны были бы его называть петровским. Но о Петре в этой связи никто и никогда не вспоминает.

Рассматривая мнения нашего общества о Петровских реформах, В. О. Ключевский писал: «Любуясь, как рефор-

ма преображала русскую старину, недоглядели, как русская старина преображала реформу». Ключевский назвал последнее явление «встречной работой прошлого».

Заметки и наблюдения. Л. 1989.

О ТЕМПАХ ИСТОРИИ

Очень верная мысль высказана С. М. Соловьевым в его «Публичных чтениях о Петре Великом» по поводу пресловутой популярной в обывательских представлениях мысли об «отсталости» России: движение народов по историческому пути нельзя сравнивать... с беганьем детей взапуски или конскими бегами, к которым прилагается слово «отстать». Внутренние силы могут быть больше у того, кто движется медленнее. Я добавлю к мысли Соловьева и следующее: дело может быть и в возрасте — тот, кто моложе, тот может быть и менее образован того, кто старше, может отстать от старшего по возрасту и на служебной лестнице. А потом обогнать...

Заметки и наблюдения. Л. 1989.

О НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ РУССКИХ*

На нашей планете издавна существовало несколько типов культур: китайская, японская, буддийская, исламская, европейско-христианская. Я не буду их все перечислять и не собираюсь оценивать. Каждая национальная культура и каждый тип культуры бесценны. В мире существует множество бесконечностей, и каждая бесконечность находится в несоизмеримости с другой...

Но можно сказать другое (хотя повторяю — я не собираюсь и не могу оценивать), что европейский тип культу-

* Расширенный текст выступления в телевизионной передаче «Философские беседы».

ры наиболее универсален, наиболее восприимчив к другим культурам и обладает наибольшей способностью воздействовать на другие культуры. Европейская культура, как определенный тип культуры, открыта для других культур, и именно это обстоятельство делает ее культурой будущего, а в какой-то мере и культурой нашей современности.

В самом деле, в пределах европейской культуры сохраняются многие национальные культуры Европы. Европа внимательнейшим образом изучает все культуры (я бы сказал — всего земного шара); все культуры использует, обогащается сама и обогащает другие народы.

Теперь обратимся к России. Бессмысленно спорить о том, принадлежит ли Россия Европе или Азии. К сожалению, такой вопрос изредка поднимался в Германии, Польше и некоторых других ближайших к нам странах, в которых наблюдалась определенная склонность изобразить себя пограничными стражами Европы? Русская культура распространяется на огромную территорию, в нее включаются и Ленинград-Петербург, и Владивосток. Это культура единая. Семья, переезжающая из Ленинграда в Хабаровск или Иркутск, не попадает в иную культурную среду. Среда остается того же типа. Поэтому нет смысла искать географические границы Европы в Уральском хребте, Кавказских горах или где-нибудь еще. И Армения, и Грузия принадлежат европейскому типу культуры. Спрашивается: почему? Ответ в том, что я сказал вначале: они принадлежат к единому типу культуры. И это в силу своего христианства. Для христианина в принципе «несть эллина и иудея». Свобода личности, веротерпимость, пройдя через все испытания средневековья, стали основными особенностями европеизма в культуре.

Русская культура уже по одному тому, что она включает в свой состав культуры десятка других народов и издавна была связана с соседними культурами Скандинавии, Византии, южных и западных славян, Германии, Италии, народов Востока и Кавказа, — культура универсальная и терпимая к культурам других народов. Эту последнюю черту четко охарактеризовал Достоевский в своей знаменитой речи на Пушкинских торжествах. Но русская культура еще и потому европейская, что она всегда в своей глубочайшей основе была предана идее свободы личности.

Я понимаю, что эта моя последняя мысль может показаться в высшей степени странной тем, кто привык подменять знание истории исторической мифологией. Большинство людей и на Западе до сих пор убеждены, что русским свойственна не только терпимость, но и терпение, а вместе с тем — покорность, безличность, низкий уровень духовных запросов.

Нет, нет и нет! Вспомните, в союз многих племен — восточнославянских, угро-финских, тюркских — были по летописной легенде призваны князья-варяги. Сейчас ясно, что князья выполняли в X—XI веках роль военных специалистов. А кроме того, если легенда верна, то для такого общего призвания нужен был союз, какая-то организация. Но мало этого — кем бы ни управляло вече в русских городах, оно было большой школой общественного мнения. С мнением киевлян и новгородцев постоянно должны были считаться князья. Новгородских князей даже не пускали жить в пределах города, чтобы избежать диктатуры. Люди свободно переходили из княжества в княжество, как и сами князья. А когда установились границы государства, началось бегство в казачество. Народ с трудом терпел произвол государства. Вече сменили собой земские соборы. Существовало законодательство, «Русская Правда», «Судебники», «Уложение», защищавшие права и достоинство личности. Разве этого мало? Разве мало нам народного движения на Восток в поисках свободы от государства и счастливого Беловодского царства? Ведь и Север, и Сибирь с Аляской были присоединены и освоены не столько государством, сколько народом, крестьянскими семьями, везшими с собой на возах не только хозяйственный скарб, но и ценнейшие рукописные книги. Разве не свидетельствуют о неискоренимом стремлении к свободе личности постоянные бунты и такие вожди этих бунтов, как Разин, Булавин, Пугачев и многие другие? А северные гари, в которых во имя верности своим убеждениям сами себя сжигали сотни и тысячи людей! Какое еще восстание мы можем противопоставить декабристскому, в котором вожди восстания действовали против своих имущественных, сословных и классовых интересов, но зато во имя социальной и политической справедливости? А деревенские сходы, с которыми постоянно вынуждены были считаться власти! А вся русская литература, тысячу лет стремившаяся к со-

циальной справедливости! Сотни произведений, удивительных по своей общественной совестливости: целые семьсот лет, о которых мы знаем лишь понаслышке, а прочли лишь одно — «Слово о полку Игореве», да и то в переводе... И это «рабская покорность народа государству»? И это «отсутствие опыта общественной жизни»? Да хоть бы немного воспользоваться нам опытом нашего земства!

Часто повторяется мысль, что на характере русского народа отрицательно сказалось крепостное право, отмененное сравнительно с другими странами Европы довольно поздно — только в 1861 году. Однако крепостным правом не был затронут русский Север. По сравнению с некоторыми иными европейскими государствами крепостное право в России не носило характера рабства: рабство же в США было отменено позднее, чем крепостное право в России. К тому же русский национальный характер оформился до закрепощения крестьян. Писатели же в XIX веке всегда отмечали чувство собственного достоинства у русских крестьян (Пушкин, Тургенев, Толстой и др.).

Я стремлюсь развеять миф, но я не хочу сказать, что все было прекрасно в характере русской культуры. Следует искать лишь реальные недостатки, а не вымышленные. Не у маркиза де Кюстина, пребывавшего в России чуть больше двух месяцев, учиться нам воспринимать Россию! Будем свободны в наших представлениях о России.

Одна черта, замеченная давно, действительно составляет несчастье русских: это во всем доходить до крайностей, до пределов возможного.

У замечательнейшего представителя европейского Возрождения — Максима Грека, переехавшего в Россию на рубеже XVI века, здесь сильнейшим образом пострадавшего и тем не менее полюбившего Россию из окон своих тюремных келий, где он несмотря ни на что писал свои замечательные работы, а затем в чрезвычайно быстрый срок после своей кончины признанного святым (какова длительность нашей традиции!), есть поразительный по верности образ России. Он пишет о России как о женщине, сидящей при пути в задумчивой позе, в черном платье. Она чувствует себя при конце времен, она думает о своем будущем. Она плачет. Берег реки или

моря, край света, пути и дороги были всегда местами, к которым стремился народ. Даже первые столицы Руси основывались на Великом пути «из варяг в греки». На пути был основан Владимир и Смоленск. Ярославль получает свое значение как первый путь за «Камень» — в Сибирь. Иван Грозный мечтает о переносе своей столицы в Вологду на путях в Англию, и только случай (вернее «дурная» примета) заставляет его отказаться от своей затеи. Но Петр Великий переносит все же столицу своей империи на самый опасный рубеж — к морю. Столица на самой границе своей огромной страны! — думаю, это единственный в своем роде случай в мировой истории. Но в России он еще связан с идеологическим моментом — решительным преобразованием всей страны.

А что говорить о многочисленных монастырях, которые все время двигались дальше и дальше в леса и на острова к Студеному морю?

Эту же черту доведения всего до границ возможного и при этом в кратчайшие сроки можно заметить в России во всем. Не только в пресловутых русских внезапных отказах от всех земных благ, но и в русской философии и искусстве.

Хорошо это или плохо? Не берусь судить; но что Россия благодаря этой своей черте всегда находилась на грани чрезвычайной опасности — это вне всякого сомнения, как и то, что в России не было счастливого настоящего, а только заменяющая его мечта о счастливом будущем.

Я кратчайшим образом остановился только на двух чертах русского народа, но и эти две черты смог скорее назвать, чем определить. Самое главное: выйти из тумана мифов о русском народе и русской истории — выйти при свете досконального знания фактов, фактической истории, не затемненной туманом ложных обобщений.

Черт русского национального характера очень много. Существование их непросто доказать. Особенно если каждой черте противостоят как некие противовесы и другие черты: щедрости — скупость (чаще всего неоправданная), доброте — злость (опять-таки неоправданная), любви к свободе — стремление к деспотизму и т. д. Но, к счастью, реальной национальной черте противостоит по большей части призрачная, которая особенно

заметна на фоне первой — настоящей и определяющей историческое бытие.

Что же нам делать в будущем, особенно с теми двумя чертами русского характера, о которых я говорил раньше?

Я думаю, что в будущем их надо во что бы то ни стало развивать в правильном направлении. Стремление русских к воле надо направлять по пути всеческого развития духовной множественности, духовной свободы, предоставления юношеству разнообразных творческих возможностей. Мы слишком стиснуты сейчас в рамках немногих профессий, которые не дают развиваться тем многочисленным потенциалам, к которым склонен народ, юношество нации.

Стремление русских во всем достигать последнего предела надо также развивать по преимуществу в духовной области. Пусть будут у нас герои духа, подвижники, отдающие себя на служение больным, детям, бедным, другим народам, святые, наконец. Пусть снова страна наша будет родиной востоковедения, страной «малых народов», сохранения их в «красной книге человечества». Пусть безотчетное стремление отдавать всего себя какому-либо святому делу, что так отличало русских во все времена, снова займет свое достойное место и отвлечет русского человека от коверкающих его схем единомыслия, единодействия и единоподчинения. Все эти «едино» не свойственны нам и ведут в сторону, к взрывам и выстрелам, к развитию преступности, которая есть не что иное, как теневой противовес стремлению русских во всем ударяться в крайности, стоять на краю опасности.

Надо понять черты русского характера (хотя бы те две, на которые я указал). Правильно направленные эти черты — бесценное свойство русского человека. Не направленные никак или направленные по неправильному пути, они дают в первый момент большой эффект, а потом становятся взрывоопасными.

Эффект «теневого противовеса» русских национальных черт характера опасен, и он должен быть предотвращен.

Я мыслю себе XXI век как век развития гуманитарной культуры, культуры доброй и воспитывающей, закладывающей свободу выбора профессии и применения творческих сил. Образование, подчиненное задачам воспитания,

разнообразие средних и высших школ, возрождение чувства собственного достоинства, не позволяющего талантам уходить в преступность, возрождение репутации человека как чего-то высшего, которой должно дорожить каждому, возрождение совестливости и понятия чести — вот в общих чертах то, что нам нужно в XXI веке. Не только русским, конечно, но особенно русским, потому что именно это мы в значительной мере потеряли в нашем злополучном XX веке.

Вопросы философии. 1990. № 4.

О «ТРОИЦЕ» РУБЛЕВА

Самопогружение личности в индивидуальные переживания не было в конце XIV — начале XV века уходом от сопереживаний с другими людьми: от чувства сострадания, от чувства материнства, отцовства, чувства ответственности за грехи других людей. Символ этой «соборной индивидуализации» — икона «Троица». Все три ангела погружены в свои собственные мысли, но находятся между собой в гармоническом согласии. И мы верим, что их «безмолвная беседа», согласие между собой знаменуют

*Москва. Спасо-Андроников
монастырь*

«Троица» Андрея Рублева

истинное единение. Они думают одну думу. Поэтому индивидуализация в высшем своем проявлении не есть отход от человеческой культуры, а есть высшая форма проявления культуры человечества.

Заметки и наблюдения. Л. 1989.

ДАВИД ИЛЬИЧ АРСЕНИШВИЛИ

Грузия — это прежде всего грузины. И хотя природа Грузии и счастливая, и грозная, и радостная, и трагическая, то есть такая, что может заставить забыть все на свете, — людей в Грузии она не заслоняет. Грузины в Грузии всегда на переднем плане: горы их сопровождают.

С самым грузинским из грузин я познакомился в Москве, и это было лет тридцать назад. Это был Давид Ильич Арсенишвили — организатор и основатель теперь всемирно известного Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублева. На всю жизнь запечатлелся в памяти его облик. Человек уже к тому времени не молодой, к тому же не искусствовед, но обладавший «чутьем к искусству», он увлекался древнерусским искусством в ту самую пору, когда оно меньше всего ценилось в нашей

Москва. Спасо-Андроников монастырь

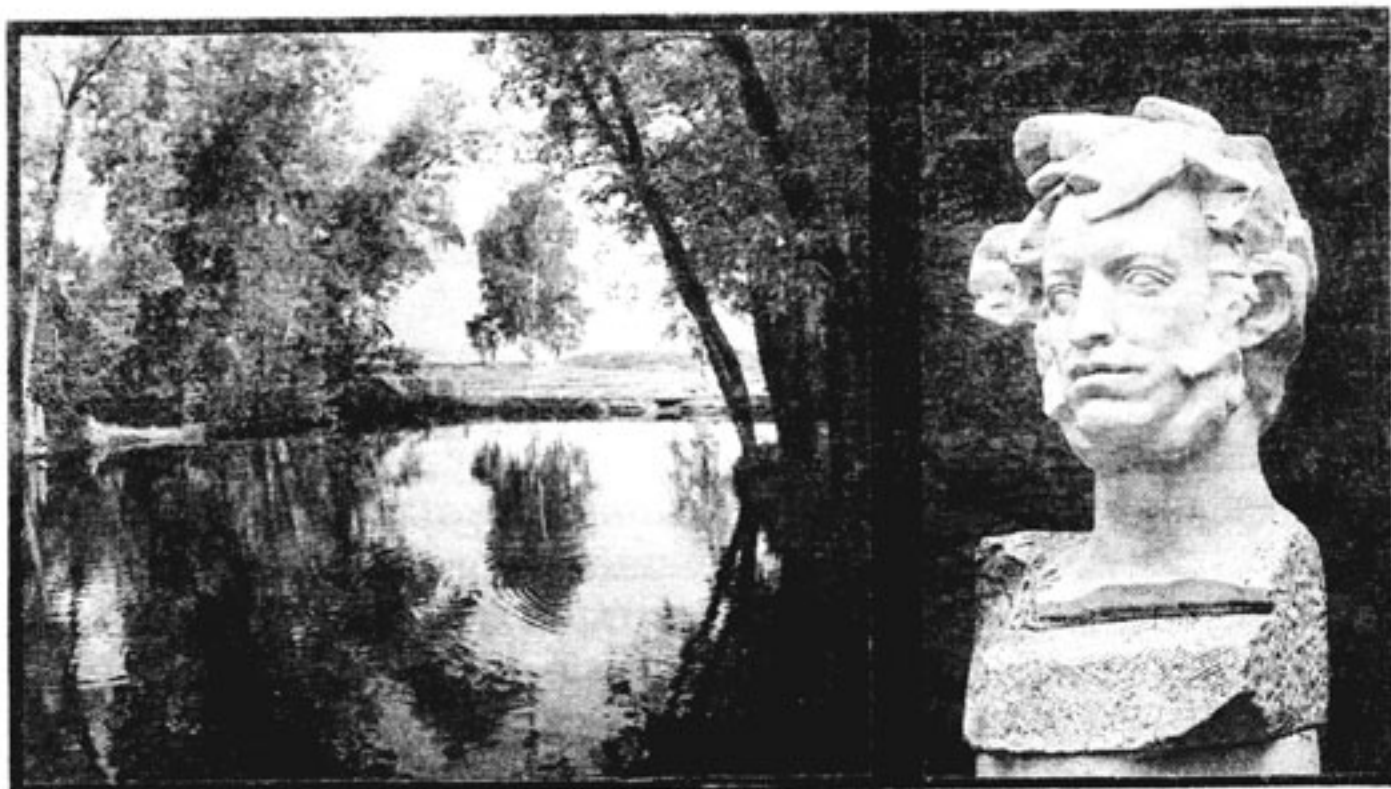

стране — в конце 40-х — начале 50-х годов. Он жил в Москве совершенным бедняком — без квартиры, без денег, гордым и независимым. Он спал где-то в служебном помещении на раскладушке, имел только один, но всегда аккуратно выглаженный костюм, а разговаривал он с самым высоким начальством как равный. Он всегда требовал, а не просил. Он ощущал себя властью имеющим. Это ощущение давалось ему его рыцарственным служением древнерусскому искусству. Он был слугой древнерусского искусства, а потому господином в отношениях с теми, кто не понимал этого русского искусства, а вместе с тем застенчивым и скромным, когда он общался с теми, кто знал больше его. Он учился и слушал своих подчиненных, в ком ощущал свое собственное «горение идеей», но несколько не смущался тех из «начальников» и «председателей», в ком не признавал этого права вершить судьбами русского искусства.

Он жил одной идеей — основать в Москве на остатках Андроникова монастыря, где работал и умер Рублев, музей древнерусского искусства. Насколько труднее организовывать что-то новое, чем принимать «бразды правления» уже существующим! Он был именно организатором, бойцом, совершенно преданным своей благородной деятельности. Благородство, рыцарственность, самопожертвование, сознание собственного достоинства, созна-

*И. А. Иванова, Н. А. Дёмкина, Д. С. Лихачев, Д. И. Арсенишвили
14 июня 1952 года перед музеем Андрея Рублева*

*Михайловское**А. С. Пушкин.
Скульптор Н. Белаиова*

ние своего служения высшей идее — вот что в моих глазах стало главным в представлениях о грузинах.

Вечным и лучшим памятником грузинского характера навсегда останется основанный грузином в Москве Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева. Низкий поклон Давиду Ильичу Арсенишвили. Разумеется, он не единственный грузин, кого я люблю всем сердцем.

Прошлое — будущему. Л. 1985.

ПУШКИН — ЭТО НАШЕ ВСЕ

Почему именно Пушкин стал знаменем русской культуры, как Шевченко — украинской, Гёте — немецкой, Шекспир — английской, Данте — итальянской, Сервантес — испанской. И если бы пришлось определять день Праздника русской культуры, то лучшего дня, чем день рождения Пушкина, и искать бы не пришлось!

В истории русской культуры можно было бы назвать десятки имен не менее гениальных, но среди них нет имени более значительного для нашей культуры, чем имя

Пушкина. Хотя понять русский характер нельзя без Пушкина, но этот характер нельзя понять и без Л. Толстого, без Достоевского, без Тургенева, а в конце концов и без Лескова, без Есенина, без Горького.

Так почему же все-таки первым из первых возвышается в нашей культуре Пушкин?

Пушкин — это гений, сумевший создать идеал нации. Не просто «отобразить», не просто «изобразить» национальные особенности русского характера, а создать идеал русской национальности, идеал культуры.

Пушкин — это гений возвышения, гений, который во всем искал и создавал в своей поэзии наивысшие проявления: в любви, в дружбе, в печали и в радости, в военной доблести. Во всем он создал то творческое напряжение, на которое только способна жизнь. Он высоко поднял идеал чести и независимости поэзии и поэта.

Пушкин — величайший преобразователь лучших человеческих чувств. В дружбе он создал идеал возвышенной лицейской дружбы, в любви — возвышенный идеал отношения к женщине-музе («Я помню чудное мгновенье...»). Он создал возвышенный идеал самой печали. Три слова «печаль моя светла» способны были утешить тысячи и тысячи людей. Он создал поэтически мудрое отношение к смерти («Брожу ли я вдоль улиц шумных...»). Он открыл возвышающее значение памяти и воспоминаний. Поэзия его полна высоких воспоминаний молодости. Воспоминания молодости сливаются с памятью истории. Никто из поэтов не уделял русскому прошлому столько произведений — и эпических, и драматических, и лирических в стихах, и лирических в прозе. Именно в воспоминаниях рождается у Пушкина притягательный, горький образ прошлого и мудрые объяснения настоящего. Он создал основные живые человеческие образы русской истории, в представлениях о которых мы сохраняем некоторую традиционность, идущую от него. Это образы Бориса Годунова, Петра, Пугачева... Он создал их, как бы угадав в них основную коллизию русского исторического прошлого: народ и царь-деспот.

Он дал основное направление русскому роману XIX века — «усадебному роману», как бы распределив в нем и основные роли: Онегин и Татьяна — это своего рода конфликтные центры, которые мы найдем у Гончарова, Тургенева.

Пушкин в кратчайшей форме выразил основные достижения мировой поэзии, дал как бы символы наивысших достижений мировой литературы: «К Овидию», «Из Катулла», «Подражание Корану», «Суровый Дант не презирал сонета...», «Из Гафиза», «К переводу Илиады», «Из Анакреона», «Подражание арабскому», «Отцы пустынноики и жены непорочны...», «Песни западных славян» и гениальные по проникновению в самую суть художественных произведений «Сцена из Фауста», «Каменный гость» и многое другое. Не случайно он считал Россию «судищем» европейской культуры — ее истолкователем и ценителем.

Возвышение духа — вот что характеризует больше всего поэзию Пушкина.

Могут спросить, как это согласуется с тем, что порой сам он мог быть «ничтожен» среди ничтожных? Всегда ли сам он в собственной жизни был так возвышен? Не нужно спрашивать. Это не должно нас интересовать. Цветы растут, и они прекрасны. Разве должны мы пачкать их огородной землей? Он сам творил свой человеческий образ, заботился о его простоте и обыденности. Это не следует забывать. Он хотел быть, «как все».

И даже если бы Пушкин оказался застегнут в редингот проповедника на все пуговицы и крючки, — уверен, его поэзия лишилась бы известной доли своей притягательности. Поэт в какой-то мере должен быть «ничтожен» в жизни, чтобы поэзия его приобрела подлинное обаяние возвышенности. Как человек он не мог ходить на котурнах, ибо это создало бы непреодолимую дистанцию между ним и нами. Он играл в наши игры, чтобы суметь овладеть нами в чем-то самом значительном. Поэт непременно должен быть обыкновенен в жизни, чтобы его поэзия приобрела подлинное обаяние возвышенности. Творчество всегда преображение, всегда рождение из сора. На чистом мраморе не растут цветы. И «обыкновенность» Пушкина-человека среди обыденности других людей — другое, таинственное, носящее печать вневременности.

Нам необходимо пройти хоть немного вместе с Пушкиным по путям, оставленным им для нас в своей поэзии. Он служит нам и в любви, и в горести, и в дружбе, и в думах о смерти, и в воспоминаниях. Это первый поэт,

который открывается нам в детстве и остается с нами до смерти.

«Пушкин — это наше все», — сказал о нем Аполлон Григорьев. И он был прав, потому что преобразующая и возвышающая сила поэзии Пушкина находит нас во все ответственные мгновения нашей жизни.

Заметки и наблюдения. Л. 1989.

МИЛОСТЬ К ПАВШИМ

Мне уже приходилось говорить и писать об умении русских сочувствовать врагам в их несчastьях и об отсутствии у русских чувства национального превосходства. Это видно по всем литературным произведениям вплоть до XVII века. Самое удивительное в этом отношении произведение — обширная «Казанская история». Поразительно прежде всего то, что присоединяется к Русскому государству не просто земля и население, присоединяется царство с его историей. Завоевание Казани ознаменовано составлением на русском языке для русских читателей истории Казани. И эта история Казанского царства, «разбойничьего гнезда», по выражению современных историков, составлена внимательно и с полным уважением к самим казанцам. В описании сражений и штурмов Казани воздается похвала храбрости казанцев — и это не один раз. «Един бо казанец бияшеса со сто русинов, и два же со двема сты». Гибель воинов оплакивается автором без разбора их национальной принадлежности. «И мнози ото обою страну падоша, аки цветы прекрасныя». Это о врагах-то — «цветы прекрасныя». Это удивительно. Как бы прося извинения у читателей за восхваление врагов, автор пишет: «Да ни хто же мя осудит от вас о сем, яко единовѣрных своих похуляюци и поганых же варвар похваляюци: тако бо есть, яко и вси знают и дивятся мужеству его < казанского царя Шигалея >, и похваляют».

Вся «Казанская история» наполнена восторженным описанием красоты Казани и крепости ее стен. Но самое удивительное — это лирические плачи царицы Сююмбеки, уводимой из Казани в Москву. Три плача могут сравниться с ними в русской литературе: плач Яросла-

вны, плач Евдокии по Дмитрии Донском и плач Евпраксии по погибшим от Батыя.

Удивительно сопереживание автора с нею: Сююмбека называет русских людей «незнаемыми», Иван Грозный для нее «некий царь». И все-таки все плачи Сююмбеки целиком сочинены автором «Казанской истории» в духе русских народных песен. Но их нужно прочесть — они большие.

Заметки и наблюдения. Л. 1989.

О ВОСПИТАНИИ ПАТРИОТИЗМА, О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И ОСВОЕНИИ КУЛЬТУРЫ

Я люблю Древнюю Русь. В чем отличие моей любви от некоторых славянофильских идеализаций Древней Руси? Славянофилы не замечают никаких недостатков. Они восхищены красотой древнерусской жизни, которая действительно в каких-то отношениях была красива, хотя в других — и очень некрасива.

В Древней Руси было очень много таких сторон, которыми отнюдь не следовало бы восхищаться. Но тем не менее я эту эпоху очень люблю, потому что вижу в ней борьбу, страдания народные, попытку чрезвычайно интенсивную в разных группах общества исправить недостатки: и среди военных, и среди крестьянства, и среди писателей. Недаром в Древней Руси так была развита публицистика — публицистика, иногда сопряженная с очень реальными опасностями для ее авторов. Вот эта сторона древнерусской жизни — борьба за лучшую жизнь, борьба за исправление, борьба даже просто за военную организацию, более совершенную и лучшую, которая могла бы оборонять народ от постоянных вторжений, — она меня и притягивает. Я очень люблю старообрядчество не за самые идеи старообрядчества, а за ту тяжелую, убежденную борьбу, которую старообрядцы вели, особенно на первых этапах, когда старообрядчество было крестьянским движением, когда оно смыкалось с движением Степана Разина. Соловецкое восстание ведь было поднято после разгрома разинского движения бег-

лыми разинцами, рядовыми монахами, у которых были на Севере очень сильные крестьянские корни. Это была борьба не только религиозная, но и социальная.

Патриотизм — начало творческое, начало, которое может вдохновить всю жизнь человека: избрание им своей профессии, круг интересов — все определять в человеке и все освещать.

Патриотизм — это тема, если так можно сказать, жизни человека, его творчества.

Патриотизм против национализма

Существуют совершенно неправильные представления о том, что, подчеркивая национальные особенности, пытаюсь определить национальный характер, мы способствуем разъединению народов, потакаем шовинистическим инстинктам.

Великий русский историк С. М. Соловьев в начале седьмой книги своей «История России с древнейших времен» писал: «Неприятное восхваление своей национальности... не может увлечь русских...» Это совершенно верно. Восхвалением самих себя по-настоящему русские никогда не «хворали». Напротив, русские очень часто, а особенно в XIX и в начале XX века, были склонны к самоуничижению — преувеличивали отсталость своей культуры.

Русские хоть и не всегда, но по большей части жили в мире с соседними народами. Мы можем отметить это уже для древнейших веков существования Руси. Мирное соседство русских и карельских деревень на севере в течение тысячелетия — факт очень показательный. Соседство с русскими мери, веси, ижоры и т.д. не было окрашено кровопролитиями. В Киеве был Чудин двор — какого-то знатного представителя чуди (будущих эстонцев). В Новгороде была Чудинцева улица. Там же в недавние годы найден древнейший памятник финского языка — финская берестяная грамота, лежавшая рядом с написанными по-русски. Несмотря на все войны со степью, иные из которых носили отнюдь не национальный, а сугубо феодальный характер, русские князья женились на знатных половчанках. Не было, значит, расовой отчужденности. Да и вся история русской культуры пока-

зывает ее преимущественно открытый характер, восприимчивость и в массе своей отсутствие национальной спеси. О том же писал и Достоевский в статье «Два лагеря теоретиков»: «Но узкая национальность не в духе русском. Народ наш с беспощадной силой выставляет на вид свои недостатки и пред целым светом готов толковать о своих язвах, беспощадно бичевать самого себя; иногда даже он несправедлив к самому себе — во имя негодующей любви к правде, истине...» С какой, например, силой эта способность осуждения, самобичевания проявилась в Гоголе, Щедрина и всей этой отрицательной литературе, которая гораздо живучее, жизненней, чем положительная литература времен «Очаковских и покоренья» Крыма.

И неужели это сознание человеком болезни не есть уже результат его выздоровления, его способности оправиться от болезни... Сила самоосуждения прежде всего — сила: она указывает на то, что в обществе есть еще силы. В осуждении зла непременно кроется любовь к добру: негодование на общественные язвы, болезни предполагает страстную тоску о здоровье.

Национальные особенности — достоверный факт. Не существует только каких-то единственных в своем роде особенностей, свойственных только данному народу, только данной нации, только данной стране. Все дело в некоторой совокупности и в кристаллически неповторимом строении этих национальных и общенациональных черт. Отрицать наличие национального характера, национальной индивидуальности — значит делать мир народов очень скучным и серым...

Именно индивидуальные особенности народов связывают их друг с другом, заставляют нас любить народ, к которому мы даже не принадлежим, но с которым столкнула нас судьба. Следовательно, выявление национальных особенностей характера, знание их, размышления над историческими обстоятельствами, способствовавшими их созданию, помогают нам понять другие народы. Размышление над этими национальными особенностями имеет общественное значение. Оно очень важно.

Осознанная любовь к своему народу несоединима с ненавистью к другим. Любя свой народ, свою семью, скорее будешь любить другие народы и другие семьи и людей. В каждом человеке существует общая настроен-

ность на ненависть или на любовь, на отъединение себя от других или на признание чужого — не всякого чужого, конечно, а лучшего в чужом, — неотделимая от умения заметить это лучшее. Поэтому ненависть к другим народам (шовинизм) рано или поздно переходит и на часть своего народа — хотя бы на тех, кто не признает национализма. Если доминирует в человеке общая настроенность к восприятию чужих культур, то она неизбежно приводит его к ясному осознанию ценности своей собственной. Поэтому в высших, осознанных своих проявлениях национальность всегда миролюбива, активно миролюбива, а не просто безразлична к другим национальностям.

Национализм — это проявление слабости нации, а не ее силы. Заражаются национализмом по большей части слабые народы, пытающиеся сохранить себя с помощью националистических чувств и идеологии. Но великий народ, народ со своей большой культурой, со своими национальными традициями обязан быть добрым, особенно если с ним соединена судьба малого народа. Великий народ должен помогать малому сохранить себя, свой язык, свою культуру.

Необязательно сильный народ многочислен, а слабый малочислен. Дело не в числе людей, принадлежащих к данному народу, а в уверенности и в стойкости его национальных традиций.

Истинный патриотизм в том, чтобы обогащать других, обогащаясь духовно. Национализм же, отгораживаясь стеной от других культур, губит свою собственную культуру, иссушает ее.

Культура должна быть открытой.

Несмотря на все уроки XX века, мы не научились по-настоящему различать патриотизм и национализм. Зло маскируется под добро.

Патриотизм — это благороднейшее из чувств. Это даже не чувство — это важнейшая сторона и личной, и общественной культуры духа, когда человек и весь народ как бы поднимаются над самим собой, ставят себе сверхлические цели.

Национализм же — это самое тяжелое из несчастий человеческого рода. Как и всякое зло, оно скрывается, живет во тьме и только делает вид, что порождено любовью к своей стране. А порождено оно на самом деле

злостью, ненавистью к другим народам и к той части своего собственного народа, которая не разделяет националистических взглядов.

Национализм порождает неуверенность в самом себе, слабость и сам, в свою очередь, порожден этим же.

Русская история в прошлом — это история бесконечных испытаний, несмотря на которые народ сохранял и достоинство, и доброту.

Будем любить свой народ, свой город, свою природу, свое село, свою семью.

Если в семье все благополучно, то в быту к такой семье тянутся и другие семьи — навещают, участвуют в семейных праздниках. Благополучные семьи живут социально, гостеприимно, радушно, живут вместе. Это сильные семьи, крепкие семьи.

Так и в жизни народов. Народы, в которых патриотизм не подменяется национальным «приобретательством», жадностью и человеконенавистничеством национализма, живут в дружбе и мире со всеми народами.

Русская природа и русский характер

Начиная с XVIII и ранее, с XVII века, утвердилось противопоставление человеческой культуры природе. Века эти создали миф о «естественном человеке», близком природе и потому не только не испорченном, но и необразованном. Открыто или скрыто естественным состоянием человека считалось невежество. И это не только глубоко ошибочно, это убеждение повлекло за собой представление о том, что всякое проявление культуры и цивилизации неорганично, способно испортить человека, а потому надо возвращаться к природе и стыдиться своей цивилизованности.

Это противопоставление человеческой культуры как якобы «противоестественного» явления «естественной» природе особенно утвердилось после Ж.-Ж. Руссо и сказалось в России в особых формах развившегося здесь в XIX веке своеобразного руссоизма: в народничестве, толстовских взглядах на «естественного человека» — крестьянина, противопоставляемого «образованному словию», просто интеллигенции.

Хождение в народ в буквальном и переносном смысле привело в некоторой части нашего общества в XIX и XX

веках ко многим заблуждениям в отношении интеллигенции. Появилось и выражение «гнилая интеллигенция», презрение к интеллигенции, якобы слабой и нерешительной. Создалось и неправильное представление об «интеллигенте» Гамлете как о человеке, постоянно колеблющемся и нерешительном. А Гамлет вовсе не слаб: он преисполнен чувства ответственности, он колеблется не по слабости, а потому что мыслит, потому что нравственно отвечает за свои поступки.

Врут про Гамлета, что он нерешителен.
Он решителен, груб и умен,
Но когда клинок занесен,
Гамлет медлит быть разрушителем
И глядит в перископ времен.
Не помедлив, стреляют злодеи
В сердце Лермонтова или Пушкина...

(Из стихотворения Д. Самойлова «Оправдание Гамлета»)

Образованность и интеллектуальное развитие — это естественное состояние человека, а невежество, неинтеллигентность — состояния ненормальные для человека. Невежество или полужизнь — это почти болезнь. И доказать это легко могут физиологи.

Национальный идеал и национальная действительность

А как же с концепцией русского человека у Достоевского, с его, русского человека, безудержностью, метаниями из одной крайности в другую, с его «интеллектуальной истерикой», бескомпромиссностью, нелегкой для себя и других, и т.д. и т.п.?

Но тут я отвечаю вопросом на вопрос: а откуда вообще взято мнение, что такова концепция русского человека у Достоевского? Как судят о русском человеке отдельные действующие лица его произведений? Но разве можно судить по действующим лицам, по их высказываниям о взглядах автора? Мы бы повторили ошибку многих философов, писавших о мировоззрении Достоевского и отождествлявших высказывания его героев с его собственными взглядами.

Русские люди вроде Мити Карамазова, конечно, были в русской действительности, но идеалом русского человека для Достоевского был Пушкин. Об этом он твердо и

ясно заявил в своей знаменитой речи о Пушкине. Для Достоевского русский человек прежде всего — человек, для которого родна и близка вся европейская культура. Следовательно, русский для Достоевского — человек высокого интеллекта, высоких духовных запросов, приемлющий все европейские культуры, всю историю Европы и вовсе внутренне не противоречивый и не такой уж загадочный.

Если для Достоевского идеалом русского был гений, и при этом такой гений, как Пушкин, так ведь это и понятно: самое ценное в народе — в его вершинах.

Сказать можно еще многое, многое еще надо обдумать, раскрыть. Идеал ведь вряд ли был один, одинаковый у всех. Для одних, кто меньше задумывался над судьбами и особенностями великого народа, типичный образец всего русского — это ухарь-купец Никитина, для других — Стенька Разин (не реальный Степан Разин, а Стенька Разин из известной песни Д. Н. Садовникова «Из-за острова на стрежень»), для третьих — это радищевский молодец из главы «София» его «Путешествия из Петербурга в Москву» и т. д. А я говорю — не надо забывать о русской природе: это крестьяне Венецианова, русские пейзажи Мартынова и Васильева, и Левитана, и Нестерова, бабушка из «Обрыва», гневный и все ж таки добрый Аввакум, милый, умный и удачливый Иванушка-дурачок, а где-то на втором плане картин Нестерова его мерцающие вдали тонкие белые стволы берез. Все вместе, все вместе: природа и народ.

Мне кажется, следует различать национальный идеал и национальный характер. Идеал не всегда совпадает с действительностью, даже всегда не совпадает с действительностью. Но национальный идеал тем не менее очень важен. Народ, создающий высокий национальный идеал, создает и гениев, приближающихся к этому идеалу. А мерить культуру, ее высоту мы должны по ее высочайшим достижениям, ибо только вершины гор возвышаются над веками, создают горный хребет культуры.

А как все-таки быть с братьями Карамазовыми? Пушкин один, а их все же трое, и стоят они перед нами сплоченным рядом. Идеал должен быть один, а Карамазовы — характеры. Типичные для русских людей? Да, типичные. Это «законные» братья, но есть у них еще и четвертый братец, «незаконный»: Смердяков.

В «законных» Карамазовых смешаны разные черты: и хорошие, и плохие. А вот в Смердякове нет хороших черт. Есть только одна черта — черта чёрта. Он сливается с чертом. Они друг друга подменяют в кошмарах Ивана. А черт у каждого народа не то, что для народа характерно или типично, а как раз то, от чего народ отталкивается, отрекается, не признает. Смердяков не тип, а антипод русского.

Карамазовых в русской жизни много, но все-таки не они направляют курс корабля. Матросы важны, но еще важнее для капитана парусника румпель и звезда, на которую ориентируется идеал.

Было у русского народа не только хорошее, но и много дурного, и это дурное было большим, ибо и народ велик, но виноват в этом дурном был не всегда сам народ, а смердяковы, принимавшие обличье государственных деятелей: то Аракчеева, то Победоносцева, то других... Не случайно так много русских людей уходило на север — в леса, на юг — в казаки, на восток — в далекую Сибирь. Искали счастливое Беловодское царство, искали страну без урядников и квартальных надзирателей, без генералов, посылавших их отнимать чужие земли у таких же крестьян, как и они сами. Но оставались все же в армии Тушины, Коновницыны и Платоны Каратаевы: это когда войны были оборонительные или освобождать приходилось «братушек» — болгар и сербов.

«Братушки» — это слово придумал народ, и придумал хорошо.

Следовательно, меньше было в русском народе национального эгоизма, чем национальной широты и открытости.

Что делать — каждый предмет отбрасывает в солнечный день тень, и каждой доброй черте народа противостоит своя недобрая.

Публикуется впервые.

«БЕДЕН НЕ ТОТ, У КОГО МАЛО, А ТОТ, КОМУ МАЛО»

— *Когда впервые вы почувствовали себя русским? Как ощутили свою принадлежность русской культуре?*

— На этот вопрос трудно ответить. У отца были

друзья из русских немцев, живших на Васильевском острове, были немцы-сослуживцы. В дачной местности, где мы обычно жили, в Куоккале, мы снимали дом у финских крестьян, и я играл с финским мальчиком Айно. Там жили и шведы, немцы, полуитальянская семья Пуни, с которыми мы дружили. У меня была бонна — фрейлейн Пунпель. Разноязычная и разнонациональная обстановка казалась вполне обычной. Мое национальное чувство впервые было задето поражениями русской армии в 1915 году, слухами о возмутительном поведении Г. Распутина. Я мало что понимал, но мне было больно за Россию и русских, особенно за поражения на фронте.

— *Наблюдали ли вы в годы учения в школе проявления национализма? Поощрялись ли они?*

— Ни в школе Карла Мая, ни в школе имени Лентовской национализма вообще не было, и потому он не мог ни поощряться, ни осуждаться. Я дружил со сверстниками, не интересуясь их национальностью. Моими друзьями были Миша Шапиро, Володя Раков и мордвин Коля Неуструев.

— *Как складывались в годы вашего учения в университете отношения между студентами различных национальностей?*

— Я учился в университете с 1923 по 1928 год. Тогда я впервые столкнулся с антисемитизмом некоторых студентов (их было очень мало). Очень задевала мое национальное чувство «школа Покровского» и сочинения самого М. Н. Покровского, оплевывавшие русскую историю. Один из таких учеников Покровского экзаменовал меня по русской истории, и, когда я отказался признать, что Петр Великий был болен сифилисом, он поставил мне «неуд» в матрикуле (так называлась зачетная книжка). А потом сообщил в профком, что я монархист.

— *Как и когда у вас возникло решение заниматься литературой Древней Руси?*

— В университет я поступил на романо-германское отделение, изучал английскую литературу и занимался Шекспиром. Но вскоре убедился, что, живя в России, будучи русским, досконально изучить английскую литературу нельзя. Почувствовал, что трудно написать хорошую работу, не живя в Англии: англичане сделают это

гораздо лучше. Поэтому стал заниматься древнерусской литературой.

В семинаре члена-корреспондента АН Дмитрия Ивановича Абрамовича нас было всего-навсего два человека. Дмитрий Иванович был сыном деревенского священника и сам внешне напоминал священника. Лекции читал с закрытыми глазами. Сперва он показался мне скучным. Но я вслушивался и постепенно понял, что мир древнерусской литературы требует внимания. В то время она еще не была объектом обобщенного изучения. Поэтому, как ни странно, мне оказались очень полезными лекции профессоров романо-германского отделения: Жирмунского, Шишмарева, Брима, Миллера. Они дали мне возможность понять, как нужно научно подходить к древнерусской литературе.

— *По-видимому, еще до поступления в университет вы были достаточно хорошо знакомы с основными произведениями древнерусской литературы?*

— Древнерусская литература по дореволюционным гимназическим программам изучалась больше и лучше, чем сейчас. И хотя я заканчивал школу в 1923 году, новых программ еще не существовало, мы учились по старым. «Слово о полку Игореве», хотя бы начало его, полагалось знать наизусть. Естественно, что первое знакомство с этим памятником древнерусской письменности произошло у меня еще в школьные годы. Произведения древнерусской литературы, которые сейчас изучаются в институтах, в наше время преподавались в школе. Мы умели читать тексты вслух, правильно расставляя ударения. Интересно, что этого порой не умеют делать даже преподаватели нынешних вузов и литературоведы, не то что студенты.

— *Ваша жизнь связана с Ленинградом, с Петербургом, с Петроградом. Это город, где всегда уважались национальные традиции. Обогащало ли это русскую культуру?*

— В Петербурге жили люди самых различных национальностей. Из нерусских больше всего было немцев, евреев, шведов, эстонцев, французов, англичан. Принадлежность к нации была связана с «национальными профессиями». Так, например, второй этаж Эрмитажа говорил по-французски, первый, античный, — по-немецки. Ботаники-систематики в Академии наук были из немцев.

Из немцев были преимущественно колбасники, портные, детские врачи. Евреи — аптекари, зубные врачи, ювелиры, репортеры газет, банкиры. Французы владели парфюмерными и модными магазинами.

Я не настаиваю, что мои данные статистически точны: просто у меня сохранились такие впечатления. Все это казалось вполне естественным. Конкуренции между национальностями в Петербурге не было. Антисемитизм был характерен прежде всего для южных городов России. Представить себе еврейский погром в Петербурге было трудно.

Многонациональность города, разнообразие школ с национальными уклонами (существовала эстонская школа, около пяти немецких, еврейская гимназия, было татарское учебное заведение — для детей татар дворников и мелких торговцев); существование французского театра, французского института, возглавлявшегося профессором Луи Рео, — все это способствовало широте петербургской культуры, петербургской терпимости (в том числе и религиозной), разнообразило культурный опыт людей.

Я забыл упомянуть, что Петербург был полон финскими крестьянами (молочницы-финки разносили молочную провизию — слова «продукты» не существовало). Финны были вполне «своими». Редкий из петербуржцев не умел поздороваться, попрощаться или поблагодарить по-фински. К югу от Невы рядом с финскими располагались русские деревни. Финны и русские крестьяне жили вполне мирно, свадьбы, смешанные браки были редки — главным образом по религиозным соображениям. Да и в быту встречались некоторые различия.

Иное дело — немецкие колонисты. Немцев, ведущих сельское хозяйство, насчитывалось множество — они почитались «интеллигентами» и держались от русских крестьян обособленно. Они в Петербурге и селились отдельно: на Васильевском острове, на Гражданке, в Петергофе.

— *Изучая древнерусскую литературу, историю нашей родины, вы, наверное, составили себе представление о том, каково было традиционное отношение к иностранцам или людям других национальностей в Древней Руси?*

— Государство Русь с самого начала было многонациональным. В государственный союз Руси входили кро-

ме восточнославянских племен финно-угорские (меря, весь, чудь), а также тюркские племена. Русские вместе с норманнами ходили на Константинополь и в другие далекие края — главным образом на юг. Ни у кого не было национального высокомерия. Князья если и были норманнского происхождения, то говорили по-русски, вернее, «по-руськи», так как разделения на русских, украинцев и белорусов еще не было — до XIV века во всяком случае.

Многонациональное государство воспитывало уважение наций друг к другу. Даже татар-завоевателей русские ненавидели как врагов, но не за их национальные черты — их не замечали. Половчанки славились красотой, и русские князья часто на них женились. Ни разу в русской письменности не проскользнуло слово «косоглазые» или что-то подобное. «Всеотзывчивость», о которой писал Ф. М. Достоевский, была чертой русского национального характера, но начало ее положил не Пушкин: «всеотзывчивость» и национальная терпимость существовали на Руси всегда. Было бы крайне важно, чтобы эту черту кто-нибудь из молодых ученых проследил по русской письменности с XI века. Эта-то черта и составляет силу и национальную особенность русского народа. Великая русская река Волга населена множеством народов, и как это великолепно!

— *Чем вы объясните распространение на Руси в начале XVI века писаний старца Филофея, утверждавших исключительность Московского государства?*

— Теория Москвы как Третьего Рима получила распространение главным образом в XVII веке. В XVI веке господствовала теория происхождения Русского государства и княжеского рода, изложенная в «Сказании о князьях владимирских». Огромная роль, которая отводилась в мечтах и чаяниях людей первой половины XVI века Русскому государству, побуждала к созданию особой теории, которая обосновывала бы национальное и мировое значение Руси. Русское государство становилось «идеологическим государством» — со своей теорией общемировых обязанностей и прав.

Объединив отдельные русские княжества под своей властью, московские государи стали воспринимать свои обязанности прежде всего как некое служение — служение православию во всем мире, себя они считали единст-

венными после падения Византии защитниками православия. Три теории привлекли к себе внимание русских государей и были ими восприняты как обоснование своих неограниченных прав на вмешательство в судьбы мира. Одна теория изложена в «Повести о Вавилонском царстве» (вторая половина XV века), там права русских государей связываются с обретением ими царских регалий. Другая теория изложена как бы «понуто», как сама собой разумеющаяся, в посланиях старца псковского Елеазарова монастыря Филофея о Москве — Третьем и последнем Риме. И третья теория создана в основном бывшим московским митрополитом Спиридоном-Саввой и изложена им в «Послании о Мономаховом венце», а затем, в переработанном виде, официально принята в «Сказании о князьях владимирских», где власть московских государей рассматривается как унаследованная от римских цезарей.

Именно это «Сказание» и было использовано для официального обоснования права московских великих князей возглавить все русские княжества, а затем и Русское царство. Более же широкое обоснование прав Москвы на первенствующее положение в мире было изложено в неофициальных посланиях псковского старца Филофея. Согласно его теории, не представлявшей ничего исключительного для средневековой Европы (где большинство царствующих династий связывали свое происхождение либо с римскими императорами, либо с участниками Троянской войны), мировая история представляет собой последовательную смену мировых держав.

Первой мировой державой был Рим Древний (основателями которого выступали иногда герои Троянской войны). Второй мировой державой, пришедшей на смену первой, является Рим Второй, или Византия. После же отпадения Второго Рима от православия в результате Флорентийской унии и захвата Константинополя магометанами Третьим Римом, защитницей и центром истинного православия стала считаться Москва. «Четвертому же Риму не бысть», — утверждала легенда. Более подробно этот вопрос рассмотрен в книге Р. П. Дмитриевой «Сказание о князьях владимирских».

А вот то, что теория Москвы — Третьего Рима получила распространение в XIX и XX веках, это явление общественной мысли нового времени, отчасти вызванное

тем, что Древнюю Русь славянофилы знали плохо, как плохо знают ее и те, кто сейчас думает, что борется за возрождение русского национального самосознания.

— *Почему же теория эта оказалась столь живучей? Почему и Екатерина II, а вслед за ней Николай I ощущали себя освободителями плененной Византии, ее прямыми наследниками? Почему до наших дней живы идеи старца Филофея, не основанные ни на каких конкретных исторических фактах?*

— Ответ на этот вопрос должны дать историки общественной мысли нового времени.

— *В XIX веке было распространено мнение, что национальные отличия лишь мешают людям сосуществовать. Высказывались мнения, что в XX веке они просто отомрут. Этого не произошло. Почему, как вы полагаете?*

— Не берусь утверждать, что все люди в XIX веке думали, будто национальные различия излишни или вредны. Думаю, что даже не большинство, но наиболее крикливые. Национальные различия, безусловно, нужны человечеству. Это ведь тот строительный материал, из которого возводится здание мировой культуры, а строительный материал должен быть разнообразным. Для культуры необходим диапазон различий. Национальные черты — признак богатства человечества.

Сравнения с букетом, с разноцветьем полей, с радугой, с разнообразием животного мира или даже миром бабочек надоели. Разнообразие людей — нечто гораздо более ценное, оно находится на самом высоком уровне мировой «пирамиды». Национальные черты в людях — это субстрат личностей. Национальные черты в культурах — это субстрат тех культурных ценностей, которыми богато человечество. Без национальных особенностей немислима культура античности, многочисленные культуры Востока, культуры Европы.

Самое ценное, что есть в национальных культурах, — это языки, ибо мышление и язык теснейшим образом связаны. Не будет многих языков — унифицируется мышление, обеднеет. Причем я имею в виду мышление не только поэтическое, но и прозаическое, мышление научное, творческое в широком смысле этого слова. Останется одно только примитивное утилитарное мышление.

Национальные различия способствуют привязанности людей друг к другу. Мы любим Италию за то, что она

Италия, Францию за то, что она Франция, и умерли бы от тоски, если бы культурное лицо мира было бы одним и тем же, повсюду одинаковым. Оно неизбежно стало бы унылым. Я уже говорил, что в детстве на меня произвело огромное впечатление то, что великая русская река Волга — многонациональна. Там слышалась и русская речь (притом такая различная в диалектах), и татарская, и башкирская, и чувашская, и персидская (Волга была полна торговцами-персами), и все многообразие языков Кавказа. Россия многонациональна, как Волга. Как степь, лес и тундра, полные птичьих голосов, причем самых различных пород.

— *Чем вы объясните вспьшки национальной розни в XX веке, например, такое уродливое явление, как национал-социализм?*

— Национальная рознь всегда, к сожалению, существовала в мире, но преодолевалась разумом и сердцем, XX век — эпоха, в которой, как это ни странно, «подкорковая» психология стала доминирующей. Слишком много появилось примитивных философских систем, и о своем культурном прошлом, о наших памятниках, о захватывающих своей агрессивностью, и притягательных тем, что могут заставить почувствовать человека как бы имеющим свое мировоззрение, свои «идеи». Развитие техники отняло у человечества слишком много интеллектуальных сил. Развитие интеллекта должно происходить равномерно, иначе начинаются «захваты».

Посмотрите на портреты — искусство портретирования в XX веке явно пало, ибо художники перестали ощущать индивидуальность человека, его личность так, как она воспринималась в предшествующие века. Да и личностей стало мало! Изучайте портреты! Ольга Чайковская лет десять тому назад написала замечательную книгу, в которой каждая глава посвящена одному человеку — его жизни и его портретам. Почему это не публикуют? Кому-то показалось, что она идеализирует прошлое. Но она не идеализирует, а просто констатирует.

Когда мы перестаем замечать чужую личность, то возникает озлобление, непонимание других национальностей. Исчезает стремление к познанию других людей, способность понимать другие национальности. Ничего, кроме себя! Любовь только к себе! Да и не любовь вовсе,

а «самовосхищение», интерес только к своим нуждам, к своим материальным потребностям.

Злой глаз видит только злое, добрый — и злое, и доброе. Мы стали слишком раздражительны и не хотим видеть хорошее в других национальностях, а ведь всякая национальность включает в себя и добрые и худые черты. Злость — плохой советчик, доброта никогда не подведет. Не подведет потому, что тот, кто сохраняет свою душу, всегда в выигрыше. Тот, кто думает только о материальном, всегда в проигрыше, так как насытиться материальными благами невозможно: всегда хочется большего. Беден не тот, у кого мало, а тот, кому мало.

Национализм питается злостью, ненавистью к чужому, чувством нехватки чего-то. Патриотизм питается добротой, благорасположением, приветливостью, ибо, любя свое, человек понимает того, кто также любит свое. Щедрость питает широту, патриотизм, гордость за свою нацию, за достижения своей культуры. Национализм же питается жадностью, стремлением захватить у другого, культом силы и агрессии.

— *Как вы относитесь к культурам малых народностей?*

— Малые народы отданы на попечение большим. О них необходимо заботиться, сильным народам необходимо ценить их культурные достижения, а так как они неудержимо исчезают, то все, что с ними связано, необходимо собирать и хранить. Надо создать фонд, где на кассетах или еще как-то были бы зафиксированы языки, фольклор, быт, обычаи, традиции и искусство малых народов. Для этих записей необходимо создать надежные хранилища. Мы заботимся о генофонде животного мира, но сколь тщательнее мы должны быть озабочены генофондом человечества.

— *Сотрутся ли, на ваш взгляд, национальные отличия в XXI веке?*

— Сохранятся, если мы того захотим. Сохранятся, если мы будем уделять внимание гуманитарной культуре. Сохранятся, если кривая морали не будет идти под уклон. Сохранятся, если мы в XXI веке будем озабочены воспитанием души, а не только передачей знаний. В людях необходимо воспитывать мораль, воспитывать их художественную восприимчивость, способность к научному мышлению, к овладению любой профессией, а профессий

будет все больше и больше, одним словом — надо воспитывать личность!

— Скажите, что бы вы хотели, как русский, пожелать русским? Ведь всякий народ должен развиваться к лучшему?

— Русский народ ни в коем случае не должен терять своего нравственного авторитета среди других народов — авторитета, достойно завоеванного русским искусством, русской литературой, борьбой русской интеллигенции за лучшее будущее всего человечества, глубоким интернационализмом русской интеллигенции. Великий народ должен быть на высоте ответственности в своих патриотических чувствах и не сбиваться на грубый национализм. Только осознавая свою мировую ответственность, мы, русские, сохраним наше ведущее положение в нашей стране. Мы должны помогать всем народам нашей страны стать нравственно чище и, разумеется, не опускаться до низкого шовинизма. Мы, русские, в этом шовинизме не нуждаемся. Он преимущественно присущ слабым народам — народам со слабой культурой и слабым культурным наследием. Но мы не должны забывать и о своем культурном прошлом, о наших памятниках, о своей классической литературе, классической музыке и классической живописи. Мы сами виноваты перед своим прошлым. Мы сами в ответе за разрушения, которые производили не так давно.

Беседу вел С. Бычков

Дружба народов. 1988. № 6.